Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Институт иностранных языков и культур
Отделение славистики
Кафедра русской литературы

Перевод фразеологизмов в русской версии романа Андруса Кивиряхка “Rehepapp ehk November”/Ноябрь, или Гуменщик

Бакалаврская работа
студента отделения славистики
Егора Грачёва

Научный руководитель –
ассоциированный профессор Л.Л. Пильд, PhD

Тарту 2025

Оглавление

Введение 3

§ 1. Вводные замечания 3

§ 2. Роман А. Кивиряхка в эстонской литературной критике 6

Глава 1. 13

Способы передачи фразеологизмов романа в переводе Т. Верхоустинской 13

Глава 2. 23

Семантическая организация фразеологии в романе „Rehepapp ehk November“. 23

2.1 Обман и хитрость 23

2.2 Страх и болезни 26

2.3 Насилие и угрозы. 28

2.4 Алкоголизм 30

2.5 Потребление пищи, голод 32

2.6 Движение и побег 34

2.7 Убийство и смерть 36

Заключение 39

Список использованной литературы 41

Приложение 1. 43

Приложение 2. 56

Kokkuvõte 87

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks 88

Autorsuse kinnitus 89

Введение

§ 1. Вводные замечания

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью средств выразительности языка и повсеместно встречаются в литературе и разговорной речи. Эти устойчивые словосочетания представляют собой единое семантическое целое и не подлежат разложению на отдельные элементы. Так как смысл фразеологической единицы не определяется значением её отдельно взятых компонентов, возникает ряд трудностей в процессе их перевода на другой язык. Проблема становится особенно острой для переводчиков художественной литературы, так как изначальный смысл авторского речевого оборота, может быть попросту стёрт неудачным фразеологическим переводом. На сегодняшний день никаких универсальных методов перевода устойчивых выражений не изобретено, поэтому проблема всё ещё остаётся актуальной.

Лингвистическая литература о фразеологии велика. В ходе нашей работы мы ознакомились с трудом В. Н. Телии «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты». Согласно концепции В. Телии, существует как минимум шесть классов фразеологизмов: это идиомы, фразеологические сочетания, пословицы, штампы, клише и крылатые выражения. Каждый из этих классов, как утверждает автор монографии, «представляет собой „размытое множество“ по периферии с типовым ядром», <…> так как «в языке как исторически развивающейся системе не может быть четко очерченных границ его подсистем» [Телия: 56]. Именно по этой причине лингвисты, изучая устойчивые словосочетания, предлагают свои индивидуальные системы классификации фразеологизмов, исходя из собственных методологических и теоретических установок.

С точки зрения переводоведов, фразеологизмы требуют особого внимания, поскольку они несут в себе культурные коды, образные ассоциации и скрытые смыслы, которые сложно воспроизвести на другом языке. В отличие от лингвистов, сосредоточенных на систематизации фразеологизмов и их функции в языке, переводоведы фокусируются на определении конкретных стратегий их передачи, позволяющих донести

до читателя целевого текста весь смысл и выразительность оригинального выражения.

В настоящей работе, объектом исследования будет перевод эстонской фразеологии на русский язык. Предметом же исследования станет перевод Татьяны Верхоустинской романа Андреса Кивиряхка “Rehepapp ehk November” («Гуменщик, или Ноябрь») на русский язык. Это необычайно колоритное произведение, которое погружает читателя в фольклорную атмосферу эстонской деревни. Действие здесь происходит в конце осени. Повествование в романе оборачивается сатирой, затрагивающей темы жадности, суеверий и изобретательности, а также воссоздает образы, которые позволяют понять мировосприятие и традиции эстонского народа, с точки зрения автора романа. В произведении Кивиряхка много фразеологических единиц, что делает этот текст идеально подходящим для нашего исследования. Целью исследования является анализ и осторожная оценка перевода фразеологизмов с точки зрения их семантического и стилистического тождества с оригиналом, а также предложение более удачных, на наш взгляд, переводческих решений. Для достижения этой цели мы выделили из обоих текстов предложения, содержащие фразеологические обороты, чтобы изучить их функциональную роль в романе. Значения этих фразеологизмов мы определяли с использованием фразеологических словарей, что позволило уточнить их семантику и выявить их возможные культурные или языковые особенности. Вслед за этим мы охарактеризовали фразеологические обороты, опираясь на значимый для нас научный труд в области перевода фразеологии [Влахов, Флорин]. Для нас были важны общая структура, идиоматичность и образность фразеологических словосочетаний. Затем мы проанализировали перевод этих фразеологизмов, используя теоретический подход, основанный на исследовании, упомянутом выше. Такой анализ позволил нам оценить адекватность и точность переводческих решений.

В тех случаях, где перевод представлялся нам недостаточно точным или не соответствующим оригиналу, мы предложили альтернативные версии перевода, которые, по нашему мнению, лучше сохраняют семантическую, стилистическую и культурную составляющие фразеологических единиц. Завершает работу общее описание передачи фразеологизмов в переводе Татьяны Верхоустинской, которое включает анализ успешных, по нашему мнению, и спорных решений, а также выводы о сохранении специфики оригинального текста в русскоязычном переводе.

Как уже было сказано, мы использовали в процессе работы фразеологические словари. Эстонскую фразеологию мы сверяли с электронным базовым словарем FRS [Fraseoloogiasõnaraamat], а русскую – с «Фразеологическим словарем русского литературного языка» А. И. Фёдорова [Федоров]. Для описания эстонских фразеологизмов мы решили выбрать электронный словарь, так как он является наиболее современным и объёмным, что вполне удовлетворяет нашим исследовательским нуждам. Русские же фразеологические электронные словари, так или иначе, базируются на словаре Фёдорова.

Основным методом нашего исследования стал сопоставительный анализ перевода с оригиналом, предполагающий изучение формы и содержания переведенного текста в сравнении с формой и содержанием оригинала.

Работа состоит из двух глав, введения, заключения, списка использованной литературы и двух приложений. Первая глава посвящена анализу способов перевода фразеологических единиц, использованных Т. Верхоустинской для создания русскоязычной версии романа А. Кивиряхка. Вторая глава представляет собой тематическую классификацию фразеологизмов, сгруппированных по семантическим полям с целью выявить основные мотивы и образы, доминирующие в языке персонажей романа. Такой подход позволяет не только упорядочить исследуемый материал, но и даёт возможность нагляднее рассмотреть точность и адекватность перевода каждой фразеологической единицы, выявляя закономерности и отклонения в передаче смыслов, стилистики и культурных реалий оригинального текста. В заключении подводятся итоги проведённого анализа и формулируются основные выводы о степени адекватности перевода. В качестве приложения к работе также прикреплены фразеологические словари, составленные нами в ходе параллельного анализа оригинального текста и его перевода.

В Приложении 1 мы представили способы перевода фразеологизмов на материале первых четырех глав романа. Поскольку, с нашей точки зрения, способы передачи фразеологических единиц начинают повторяться в последующих главах перевода, то, обратившись к главам V–XXX, мы проанализировали семантику фразеологизмов, т. е. повторяющиеся темы, мотивы и образы, которые встречаются в структуре устойчивых словосочетаний. Обнаруженные в этих главах фразеологизмы мы попытались выстроить в порядке частотности в Приложении II.

§ 2. Роман А. Кивиряхка в эстонской литературной критике

Далее мы обратимся к рассмотрению отзывов эстонских литературных критиков о романе Кивиряхка. Первое издание романа Андруса Кивиряхка «Гуменщик, или Ноябрь» вышло в октябре 2000 года и сразу стало одним из наиболее обсуждаемых произведений современной эстонской литературы, вызвав значительный резонанс как среди читателей, так и критиков. С момента публикации роман был переведён на ряд иностранных языков, включая финский, немецкий, латышский и польский, что свидетельствует о его широкой популярности за пределами Эстонии. Русский перевод произведения, выполненный Татьяной Верхоустинской, был издан в 2008 году. Анализ рецензий на произведение Кивиряхка позволяет выделить основные тенденции в его восприятии и интерпретации, а также понять культурный и литературный контекст, отраженный в романе.

Одной из ключевых тем, поднимаемых в рецензиях, является связь романа с эстонским фольклором. Критики отмечают, что Кивиряхк мастерски воссоздает мифологическую реальность эстонской деревни, насыщая текст аллюзиями на народные предания, образы и архетипы. По мнению Франсуа Серпента (псевдоним эстонского поэта Индрека Месикеппа), роман напоминает монографию «Монтайю, окситанская деревня» (1975 г.) известного французского историка Эммануэля Ле Руа Ладюри, где также детализируется быт и менталитет сельских жителей, но сквозь призму французской фольклорной традиции. Автор рассматривает роман Кивиряхка как своего рода микромодель всей Эстонии: деревня здесь представлена без конкретного названия, что подчеркивает универсальность описываемых событий.

Ka ei ole Kivirähk fikseerinud toimumispaika nii üheselt nagu Le Roy Ladurie. Kordagi, ka mitte teksti sees, ei ole mainitud küla nime. Viimasel asjaolul näib olevat kaks seletust: ühest küljest on „Rehepapi” küla otsekui terve Eestimaa metafoor, teisalt ei ole külaelanikel, kelle positsioonilt lähtuv vaade meile avaneb, vajagi oma autarksena funktsioneeriva elukoosluse kirjeldamiseks mingit nime sõnale „küla” lisada. Ka meie kasutame oma maailma kohta vaid sõna "maailm” [François 2001: 168].

Эстонский журналист и писатель О.Раун (Ott Raun) предлагает интерпретировать роман с социально-критической точки зрения. Автор сравнивает угнетающую и мрачную атмосферу романа “Rehepapp” с классическим произведением социалистического реализма — «Мать» Максима Горького. Оба текста изображают бедность, невежество и безысходность жизни простого народа. Особую роль в анализе Раун отводит сатирическому

описанию трагического прошлого Эстонии. Автор считает, что роман «Гуменщик» передает безнадежный взгляд на жизнь народа, указывая на его необразованность и моральное падение. Сцены с крестьянами, одетыми в украденные у помещиков погребальные наряды (в ориг. “surikleit”), символизируют абсурд и трагикомизм существования персонажей. При этом Раун указывает, что критика социальной системы, включающая в себя сцены кражи имущества у помещиков, одновременно высмеивает и оправдывает «экспроприацию» как борьбу за выживание. Каждый крестьянин вынужденно ворует еду и имущество у своих соседей, создавая этим цепочку взаимного обмана и ненависти. Этот феномен не просто осуждается, но и представляется как неизбежное следствие социального устройства, в котором крестьянство разобщено и не имеет ни ресурсов, ни образования для объединения против общего врага — помещиков и угнетающей системы.

Kokku tuleb nii haletsusväärne pilt Eestimaa minevikust, et hakka või nutma. Kõik on nii tühi ja vilets, kõik nii rumalad ja vaesed. Heureka! Äkki tabad ennast nagu läbi udu meenutamas Maksim Gorki „Ema “. Samasugune tonaalsus, samad lõhnad, Sormovo nagu eesti küla, ainult et koos proletariaadi ja punalippudega [Raun 2001].

Прочтение О. Рауна отчасти перекликается с исследованием профессора Юло Валка , который в своей статье “Saksad ja varavedajad: eesti muistendite sotsiaalsest orientatsioonist“ [Valk 2008: 57-73] раскрывает социальную направленность эстонского фольклора, отражающего изменения в общественных и культурных структурах XIX — начала XX века через образы немецких помещиков (в ориг. “saksad”) и домовых (в ориг. “varavedajad”). Валк подчеркивает, что в эстонских сказаниях немецкие бароны часто изображаются как демонические фигуры, символизирующие угнетение и социальную несправедливость. Этот образ создавал чёткую границу между «своими» и «чужими», и способствовал укреплению национальной идентичности эстонцев. Легенды о помещиках-бесах служили способом выражения народного протеста против несправедливого социального устройства и помещичьего гнёта.

Kogukonna ja pärimusrühma identiteeti ei määra sedavõrd sisemine homogeensus ega omavaheliste erisuste puudumine, vaid pigem vastandumine teistele, muulastele, kellest mõnikord luuakse vaenlase kuju. Sellised tavalistest inimestest eristuvad võõrad olid ka muistendite haldjad, nõiad ja kummitused, kuid etnilistest muulastest pakkus kõige enam kõneainet mõisasaks. Eesti muistendites on kurat tugevasti saksastunud ja mõisahärra omakorda demoniseerunud [Valk 2008: 64].

М. Трунин в своей рецензии проводит параллель между романом А. Кивиряхка и классической эстонской литературой, особенно произведениями Антона Хансена Таммсааре и Яана Кросса. Он подмечает, что в отличие от Таммсааре, который акцентировал трудолюбие и упорство крестьянина, Кивиряхк представляет эстонцев в сатирическом ключе, подчеркивая их склонность к обману и нежеланию трудиться. Эта противоположность демонстрирует изменение литературного взгляда на эстонскую идентичность: от героического образа трудового крестьянина к более циничной и реалистичной интерпретации.

Kiviräha ja Tammsaaret võrreldakse tihtipeale kui vastandeid: eesti kirjandusklassik on ülistanud talupoja ränka tööd, Kivirähk aga esitab talupoegi rumalate, tigedate ja näppamisele kalduvatena. Näib, et keegi ei ole aga pööranud tähelepanu teisele eesti suurromaanile, Jaan Krossi „Keisri hullule“, mida meenutab juba ainult igapäevaste ülestähenduste vorm (selle erinevusega, et Krossil on ainestik esitatud tegelaskuju päevikuna, Kiviräha romaan aga on jaotatud peatükkideks novembrikuu päevade kaupa). Kivirähale paistab olevat tähtis Krossi kirjanduslik paatos: tolle loomingus on ju peamine mõista oma minevikku mitte kui faktide kogumit, vaid kui ajalugu selle ülevamas mõttes – seda suure tähega Ajalugu, mille osa on ka eesti rahvas. Kivirähk aga näitab katkist räsitud rahvast [Trunin 2017].

С Яаном Кроссом, по мнению, Трунина, Кивиряхка роднит форма повествования и интерес к историческому прошлому. Если Кросс показывает историю через героизм и трагедию, осмысляя её в возвышенном ключе, то Кивиряхк видит в прошлом хаотичную, гротескную борьбу за выживание. Разделение романа на главы-дни напоминает хроникальный стиль, что сближает его с дневниковой формой повествования в «Императорском безумце». Однако вместо героического пафоса у Кивиряхка преобладает сарказм, подчеркивающий как сильные, так и слабые стороны народного характера.

В рецензии М. Тюэра роман интерпретируется как «комедия выживания» [Tüür 2002: 130], где персонажи представлены как гротескные воплощения определенных человеческих качеств, таких, как жадность, хитрость и суеверие. Особое внимание уделяется трактовке крестьян как людей, вынужденных использовать свой ум и изворотливость в условиях сурового быта и социальной несправедливости. Автор рецензии указывает, что Кивиряхк с помощью юмора и сатиры поднимает вопросы о природе человеческой жадности, взаимоотношений и стремления к выживанию любой ценой. Деревенские персонажи действуют как существа единой экосистемы, где каждый пытается извлечь максимум выгоды, но при этом строго соблюдает негласные правила взаимодействия. Например, даже

воровство рассматривается как форма «ресурсного обмена», который укрепляет связи между жителями.

Tragöödilist ellusuhtumist pannakse “Rehepapis” naeru alla juba päris teose algusest peale. Kommentaar "Jälle on mõis ohvri nõudnud" (lk 4), mis käib seepi söönud sulase Jaani kohta, annab kätte kogu järgneva mõisa- ja talurahva suhete kujutamise tooni. Iseloomulik on aga, et irooniline distants tekitatakse kirjutajapoolsete valikute, mitte aga teose maailmas tegutsejate kaudu. “Rehepapi” külas ringi liikuvatele inimestele ei tuleks pähegi mingisugune iroonitsemine või ülepea tegemisttegemine asjadega, mis otseselt neisse ei puutu [Tüür 2002: 139].

Известный прозаик М. Мутт в своей рецензии тоже утверждает, что «картина деревенской жизни Эстонии, которую рисует Кивиряхк, совсем не героическая и не идеализированная. Эстонская жизнь открывается нам как чрезвычайно прагматичная и безнравственная. Автор называет произведение Кивиряхка «этнопанком» и отмечает богатый и разнообразный язык романа, включающий в себя множество архаизмов, диалектизмов и различных идиом, которые позволяют передать дух времени и место действия произведения. По мнению рецензента, идея романа — показать эстонцев как продукт их исторической судьбы. Эстонская прагматичность и эгоизм объясняются условиями выживания, которые и сформировали национальный характер. В этом контексте главный герой романа представляет положительную сторону эстонского менталитета, в то время как другие персонажи воплощают его более тёмные аспекты.

Pilt, mille Kivirähk eesti külaelust maalib, on kõike muud kui heroiline ja idealiseeritud. Eesti elu avaneb meile äärmiselt pragmaatilisena ja moraalituna. <…>. Elu on kõikide sõda kõigi vastu ja selles kasutatakse vahendeid, mis on iseenesest ebapuhtad. Kivirähk on põhjalikult tutvunud eesti folkloori üleloomulike olendite genuiinse ja pseudomütoloogilise karjaga ning kogu selle „loomaaia" oma raamatu tegelaste olmesse kirjutanud [Mutt 2001: 143].

Мутт также отмечает, что с точки зрения стиля роман А. Кивиряхка представляет собой травестийное произведение, сознательно использующее приёмы «большой литературы». Так, вместо традиционных заголовков глав используются календарные даты — это, по мнению рецензента, придаёт происходящему особую значимость. Кроме того, главы завершаются резкими, эффектными фразами — псевдопуантами: будь то пейзажные зарисовки, экспрессивные обобщения или жестокие констатации.

Stiililt on „Rehepapp" travestiline, siin opereeritakse teadlikult „suure kirjanduse" võtetega. Nii näiteks on peatükkide nimetuste asemel kuupäevad; säärane spetsifikatsioon justkui annaks toimuvale erilise tähenduse. Ja peatükkide lõpus on abruptsed „tugevad" laused, pseudopuändid, vahel looduskirjeldused, vahel ekspressiivsed või julmad

konstateeringud. Need mõjuvad seesuguse aine ja esituse puhul nagu sümfooniaorkestri kasutamine lööklaulu orkestreeringus [Mutt 2001: 143].

Эстонский семиотик К. Линдстрём, в свою очередь, рассматривает роман А. Кивиряхка как произведение, сочетающее в себе элементы постмодернизма и этнофутуризма. Она отмечает, что роман демонстрирует высокую степень интертекстуальности, объединяя фольклорные образы, элементы эстонской классической литературы и постмодернистскую иронию. Линдстрём подчеркивает, что через переосмысление и пародию культурных архетипов роман бросает вызов традиционным представлениям о национальной идентичности. Автор также отмечает, что несмотря на игровой подход к этнической идентичности, произведение Кивиряхка связано с серьезными вопросами о национальном самосознании. Линдстрём считает, что успех романа обусловлен его способностью вызывать у читателей чувство узнавания, благодаря множеству культурных и литературных аллюзий, которые превращают текст в своеобразную антологию эстонской истории и мифологии. Такой подход делает роман одновременно актуальным и универсальным для широкой аудитории.

„Rehepapi“ lugejat saadab pidev äratundmisrõõm, küll aluseks olevate kirjandustekstide, küll identiteedimüütide kaudu. Võiks ehk parafraseerida Umberto Eco sõnu kultusfilmi “Casablanca” kohta: tegemist pole romaani, vaid terve kirjanduse antoloogiaga. “Rehepapp” on tuhandete teiste tekstide tsitaat ning selle lugejat haarab intertekstuaalne resonants. Kui kõik arhetüübid korraga sisse trügivad, saab lugu homeerilise sügavuse. Kaks klišeed ajavad naerma. Sada klišeed tekitab meeleliigutuse. Ja kultusromaan ongi valmis [Lindström: 135].

Сам Кивиряхк достаточно развернуто комментирует свое произведение в альбоме общества студентов Эстонии [Kivirähk2000a]. Автор романа рассматривает «Гуменщика» как олицетворение эстонской прагматичности. Его герой не стремится к великим свершениям, а использует свою хитрость и простые средства, чтобы выжить и обеспечить себя. Автор описывает его как умного, но аморального персонажа, который не гнушается обманывать сверхъестественные силы или соседей ради собственной выгоды. Кивиряхк утверждает, что эстонская тактика выживания, основанная на компромиссах и изворотливости, тоже достойна уважения. Он противопоставляет её традиционному героическому сопротивлению, которое часто сопровождается высокопарными речами о свободе и родине, но приводит к разрушению. Он подчеркивает, что эстонская история и обстоятельства — бедность, малочисленность населения, постоянное давление извне —

сформировали такой тип мышления, где важнее всего собственная безопасность и выживание.

Meenutame kas või omaaegsete eestlaste kohest valmisolekut maatüki nimel õigeusklikuks hakata ning me näeme, et religiooni ning poliitika omakasule allutamisel on märksa sügavamad juured. Just nii sügavad, nagu näitavad meie muinaslood. Pole põhjust säärast täis söögilauda ülimaks pidavat filosoofiat hukka mõista ega kõnelda põlglikult (või ka ennasthaletsevalt) eestlasesse sügavale sissekasvanud orjahingest, nagu mõni mees seda on teinud. Iga taktika väärib tunnustust ja otserünnak lehvivate lippude all pole iseenesest ülem vaiksest urgitsemisest [Kivirähk 2000: 152].

Исследовательница Аннели Михкелев в своей статье “Rahvapärimus ja multimeedia eesti kaasaegses kultuuris” [Mihkelev: 108–128] рассматривает эволюцию фольклорного образа домовика (в ориг. „kratt“), который занимает важную роль в произведении Кивиряхка. В исследовании акцентируется внимание на том, как образ мифологического персонажа из устных народных преданий трансформируется в литературе, театре, кино и других мультимедийных произведениях. Особое внимание уделено роману Андруса Кивиряхка, который сыграл ключевую роль в возрождении интереса к этому мифологическому образу. В своём исследовании А. Михкелев цитирует Ю. Валка, по мнению, которого домовики являются символом перемен и отражают переход эстонских крестьян от идеалов христианской бедности к новым материальным и духовным ценностям, связанным с освобождением от крепостного права и формированием нового социального порядка. Приведем эту цитату из статьи Валка:

... kratilood ja uskumused aitasid kaasa eestlaste vabanemisele orjamentaliteedist, mõtestades maaomandi muutumist, talurahva rikastumist ja illustreerides rahvusliku ärkamisaja olusid Eesti külas. Kratt sümboliseerib mõisaorjust asendanud mammonakultust ehk põhimõttelist ümberorienteerumist kristlikult vaesusideaalilt uutmoodi varanduslikele väärtustele. Nende hulka kuulusid ka vaimsed väärtused… [Valk 2008: 68]

Михкелев подчеркивает, что Кивиряхк умело сочетает традиционную фольклорную образность с современными художественными приемами, создавая сатирический портрет эстонского крестьянства. Анализируя рецензии на роман, автор статьи замечает, что произведение Кивиряхка деконструирует мифы о национальной идентичности, предлагая новый взгляд на прошлое и настоящее:

Neist arvustustest peegeldub väga selgelt soov lahti saada painajalikust orjapõlve ja rõhumise mälestusest, seepärast ongi Kivirähki vabastav ja groteskne naer läbi pisarate hea, kuna võimaldab traagikas näha naljakat ja vastupidi [Mihkelev: 117].

Автор, таким образом, полагает, что через гротеск и иронию Кивиряхк формирует многослойный образ эстонского народа, где юмор становится инструментом осмысления и преодоления исторических травм, появившихся как следствие десятков лет рабства.

Большинство рецензентов также подчеркивают гротескный и ироничный характер языка романа, отмечая, что именно благодаря этому автору удаётся не только создать яркую художественную атмосферу, но и провести глубокий критический анализ национального менталитета. Язык романа насыщен фольклорными элементами, устойчивыми выражениями, гиперболами и стилистическими контрастами, которые используются для высмеивания стереотипов, разоблачения социальных пороков и иронического переосмысления исторического наследия. Ирония и гротеск становятся неотъемлемой частью повествования, формируя его тональность и придавая тексту особую выразительность и многозначность.

Таким образом, рецензии эстонских критиков на роман Андруса Кивиряхка „Rehepapp“ подчеркивают его многослойность и значимость для современной эстонской литературы. Особое внимание уделяется фольклорным мотивам, своеобразному переосмыслению национальной истории и иронической интерпретации коллективной памяти. Критики сходятся во мнении, что роман Кивиряхка не только отражает культурные архетипы, но и провоцирует читателя на переоценку традиционных представлений о прошлом.

Глава 1.

Способы передачи фразеологизмов романа в переводе Т. Верхоустинской

Анализ перевода встречающихся в романе Андруса Кивиряхка “Reheparp“ («Ноябрь, или Гуменщик») фразеологических единиц показывает, что переводчица активно использует различные стратегии для передачи не только смыслового, но и стилистического наполнения текста. Поскольку роман отчасти написан стилизованным под народную речь языком, с большим количеством фразеологических оборотов, идиом и просторечной лексики, работа с подобными единицами становится особенно важной для сохранения духа оригинала. Кроме этого, в романе прослеживается яркий контраст между стилем речи повествователя и героев произведения. Повествователь ироничен по отношению к своим персонажам, что тоже может вызвать трудности при переводе.

Переводчик Татьяна Верхоустинская, создавая русскую версию произведения, стремилась сохранить как колорит эстонской культуры, так и эмоциональную и стилистическую составляющие текста. Одной из ключевых задач, стоявших перед ней, стала передача своеобразия народной речи персонажей, преисполненной грубоватых, но метких выражений, укорененных в эстонском языке в форме фразеологизмов и образных сравнений. Татьяна Верхоустинская применяет известные способы фразеологического перевода, которые хорошо описаны в книге «Непереводимое в переводе» болгарских ученых С. Влахова и С. Флорина. Стоит отметить, что они причисляют к фразеологизмам «как идиоматику, так и фразеологические единицы пословичного типа (в том числе крылатые выражения, афоризмы, сентенции), как образные (метафорические) единицы, так и необразные (без*о*бразные) сочетания» [Влахов, Флорин: 179].

Наиболее точным фразеологическим переводом является полный **фразеологический эквивалент**. Это фразеологизм на языке перевода, полностью соответствующий переводимой единице. Между такими фразеологизмами не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стиля, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски. Они должны также иметь приблизительно одинаковый

компонентный состав. Яркий пример такого перевода фразеологической единицы — это “hambaid krigistama“ (злиться, скрипеть зубами) [FES]:

Lapsed irvitasid, kratt **krigistas hambaid** [Kivirähk 2000: 14].

Здесь речь идёт о разъяренном домовике, который не может справиться с заведомо невыполнимой задачей и скрипит зубами от злости. Для перевода этой единицы Т. Верхоустинская использует выражение “скрипеть зубами”, которое в данном случае и является полным фразеологическим эквивалентом:

Дети хихикали, домовик **скрипел зубами** [Кивиряхк 2008: 17].

Относительный фразеологический эквивалент уступает полному лишь в том, что отличается от исходной фразеологической единицы по какому-либо из показателей: небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения и т. п. Семантически он является полноценным соответствием переводимому фразеологизму.

Рассмотрим, например, перевод эстонского фразеологизма “Pole neil au ega häbi”:

Pole neil au ega häbi, algul lakuvad sakste perset ja siis tulevad vaese mehe viimast varanatukest näppama! [Kivirähk 2000: 10].

Пер.:

Ни стыда, ни совести — сперва задницу господам лижут, а потом у бедного мужика последнее добро утянуть готовы! [Кивиряхк 2008: 13].

Как мы видим, оба выражения практически идентичны по своей структуре, однако в эстонском фразеологизме говорится о чести и стыде, в то время как в русском – о стыде и совести. Отметим также, что фразеологизм «лизать задницу» из этого же предложения, в свою очередь, является полным эквивалентом эстонскому фразеологизму “perset lakkuma” (дословно: «лизать задницу» [EVS]).

В большинстве случаев Т. Верхоустинская использует **фразеологические аналоги**, которые заменяют исходные образы, но сохраняют содержание оригинального выражения. Рассмотрим следующий пример:

Piiri peab pidama, mitte labidaga suhu ajama! [Kivirähk 2000: 10].

Пер.:

Меру надо знать, а не лопать от пуза [Кивиряхк 2008: 13].

Здесь Т. Верхоустинская использует аналог «знать меру», смысловое содержание которого полностью соответствует оригиналу несмотря на то, что в исходном выражении речь идёт о «соблюдении границы». Оба фразеологизма обладают также сходным синтаксисом.

Ср.:

See ei kaalu ju **tuhkagi**! [Kivirähk 2000: 17].

Эстонский фразеологизм “mitte tuhkagi”, который буквально означает «ни пылинки» (т. е. что-то, чего почти нет), Т.Верхоустинская переводит следующим образом:

Оно и весит-то **всего ничего**! [Кивиряхк 2008: 22].

Здесь переводчик передаёт описание ничтожно малого веса, но с использованием более привычного русского оборота «всего ничего», сохраняя при этом экспрессивную окраску. Ср., также:

Maigutas niisama suud ja teretas siis aupaklikult mõisa Luiset, kelle suhtes ta **salajas südamesopis** teatud plaane pidas [Kivirähk 2000: 16].

Пер.:

Просто пожевал губами, а затем почтительно поздоровался с горничной Луйзе, в отношении которой он **в тайниках души** строил определенные планы [Кивиряхк 2008: 21].

Здесь фразеологизм „salajas südamesopis“ (дословно: в тайном уголке сердца) переведён Т. Верхоустинской устойчивым словосочетанием «в тайниках души». Как видно, исходный образ немного изменился, в то время как значение выражения осталось прежним.

Несмотря на то, что фразеологические аналоги семантически тождественны оригиналу, в некоторых случаях их использование может привести к определенным стилистическим потерям. В качестве иллюстрации рассмотрим следующий пример:

“**Jumal teab**, millest see tuleb, vahest vihmasest ilmast,” arvas Oskari naine Mall, kes kandis põlle all juba kuuendat last “ [Kivirähk 2000: 9].

Пер.:

Кто его знает, с чего, может, от дождливой погоды, — предположила жена Оскара Малл, которая ждала уже шестого ребенка [Кивиряхк 2008: 8].

В этом предложении фразеологическая единица „jumal teab“ переведена как «кто знает» (т. е. никто не знает). На первый взгляд, подобная нейтрализация фразеологизма может

показаться несущественной, однако этот способ перевода влияет на стилистическую аутентичность текста. В произведении речь идёт о деревенской жизни, где упоминания Бога и Иисуса Христа являются неотъемлемой частью повседневной речи, которая отражает мировоззрение персонажей. А. Кивиряхк сознательно подчеркивает религиозность своих героев, так как это придает тексту характерный фольклорный колорит. Использование эквивалентной фразы «бог знает» вместо нейтрального «кто знает» в данном случае позволило бы сохранить эту важную культурную и стилистическую особенность, сделав перевод более точным и выразительным.

Подобные отклонения от первоисточника встречаются и в других примерах, где Т.Верхоустинская выбирает более нейтральные аналоги вместо доступных эквивалентов, что не только нейтрализует стилистическую насыщенность текста, но и отдаляет перевод от оригинала, уменьшая его соответствие изначальному авторскому замыслу:

Temal polnud küll vaesest hädalisest **sooja ega külma**, tema oli lihtsalt üks mõistuseta elajas ning ajas omi asju [Kivirähk 2000: 5].

Пер.:

Правда**, какое ему дело** до бедного страдальца, тварь неразумная живет своей жизнью. [Кивиряхк, 2008:4]

Перевод фразеологизма “pole sooja ega külma” словосочетанием «какое дело» явно теряет метафоричность и экспрессию. В данном случае не очень ясно, чем руководствовался автор перевода, так как в русском языке существует выражение «ни тепло, ни холодно», которое почти буквально передает смысл состояния безразличия и имеет сходную образную составляющую. Т. Верхоустинская по какой-то причине всё же использует выражение, лишенное эмоциональной окраски, что делает текст менее выразительным.

Ср. также:

No vaat nüüd oleks paras, kui sa selle hea asjaga **hauda läheksid** [Kivirähk 2000: 5].

Пер.:

Вот теперь поделом бы тебе **на тот свет отправиться** с этим лакомством [Кивиряхк 2008: 4].

Выражение „hauda minema“ в тексте перевода передается как «отправиться на тот свет». В оригинале выражение заключает в себе простую метафору смерти (буквально: «уходить/сойти в могилу»), которая могла быть передана русским эквивалентом «сойти в могилу». В таком случае сохранилась бы авторская ирония. Использование фразеологизма

«отправиться на тот свет» сглаживает иронический оттенок и лишает текст стилистического напряжения.

Приведем похожий пример:

Kust ma vastu talve uue sulase võtan, kui see **otsad annab** [Kivirähk 2000: 6].

Пер.:

Где мне на зиму глядя нового батрака взять, если этот **ноги протянет** [Кивиряхк 2008: 5].

Здесь фразеологизм “otsad andma”, переведен при помощи выражения «протянуть ноги». На первый взгляд, это не существенное отклонение от оригинала, но при наличии в русском языке полного эквивалента “отдать концы”, перевод кажется неточным.

В тексте Т. Верхоустинской также встречаются индивидуальные аналоги перевода фразеологизмов. В таких случаях используется существующая в языке перевода фразеологическая конструкция, которая подвергается авторской модификации для большего сходства с оригинальным выражением. Рассмотрим следующий пример:

Kes oli sihuke lahkem ja heldem, see ujus umbes nagu vannis, aga kes oli ihne ja kelle nägu mulle ei meeldinud, **sellele tegin ikka kohe hernesuppi**, nii et varbad lõhki lõid! [Kivirähk 2000: 22]

Пер.:

Кто полюбезнее да пощедрее, так те, считай, вроде как в ванне нежились, а жадные или чья рожа мне не нравилась — **тем устраивал ту еще похлебку**, только булькало. [Кивиряхк 2008: 19].

Здесь речь идет о персонаже, который подрабатывает у Нечистого и подкидывает дрова в огонь, где варятся в котле грешники. Оригинальное выражение (“hernesuppi tegema”: “sellele tegin ikka kohe hernesuppi, nii et varbad lõhki lõid!”) (дословно: «тому я сразу готовил гороховый суп, такой, что кожа на пальцах потрескалась») передано Т. Верхоустинской как «устроить ту ещё похлёбку». По нашему мнению, это модификация фразеологизма «устроить весёлую жизнь», то есть доставить серьезные неприятности. Такой перевод определённо вписывается в контекст истории, которую рассказывает герой, однако использование слова «похлёбка» в переводе стирает оригинальный колорит, поскольку гороховый суп (hernesupp) — это эстонское национальное блюдо, которое обладает в данном контексте определенным культурно-ассоциативным значением.

В некоторых случаях, из-за отсутствия фразеологических аналогов или эквивалентов, Т. Верхоустинская вынуждена прибегать к нефразеологическому **лексическому переводу,** заменяя фразеологизм обычным словом. Очень любопытным, по нашему мнению, является следующий пример:

“Päris õige oleks jah, kui va **vikatimees** sulle kohe praegu järele tuleks ja jalust viiks” [Kivirähk 2000: 6].

Лексема “vikatimees” в тексте Т. Верхоустинской переводится так:

Поделом бы **безносая** тебя сей же час прибрала [Кивиряхк 2008: 5].

Выражение “vikatimees” означает персонифицированную смерть и является составным существительным из двух слов: “vikat” (коса) и “mees” (мужчина) [EVS]. Состав слова косвенно отсылает нас к конвенциональному образу жнеца смерти, который и является идиоматическим ядром данной фразеологической единицы. Несмотря на то, что субстантивированное прилагательное “безносая” тоже идиоматично и устойчиво в языке, оно, в отличие от эстонской лексемы, отсутствует в фразеологических словарях. Это различие показывает, что в русском языке некоторые образные выражения, обладают локальной идиоматичностью, но не фиксируются как отдельные фразеологизмы. В то же время в эстонском языке такие слова, как “vikatimees” или „merehunt“, считаются полноценной фразеологической единицей и включаются в словари, что отражает более формализованное закрепление подобных выражений в языке.

Т. Верхоустинская пользуется лексическим переводом также для передачи выражений “kõrvu pea alla panema” и “lusika nurka viskama”:

„Kes mu talutööd ära teeb, kui Jaan nüüd enne jõulu **kõrvad pea alla paneb“** [Kivirähk 2000: 7].

Пер.:

Кто в моём хозяйстве работы справит, если Ян под Рождество **окочурится** [Кивиряхк 2008: 6].

Ср. также:

„Kütsin seni, kuni vanamees pidi peaaegu et **lusika nurka viskama**, siis hakkas armu paluma ja kinkis mulle selle imekoti“ [Kivirähk 2000: 15].

Пер.:

Натопил так, что старик чуть не **окочурился** [Кивиряхк 2008: 13].

В приведенных цитатах два разных фразеологизма переведены как “окочуриться”. При наличии такого большого количества фразеологических аналогов в русском языке это кажется сильным упрощением. Так, например, фразеологизм “откинуть копыта” идеально вписался бы в параметры эстонского этнопанка и послужил бы аналогом для выражения “lusika nurka viskama”, которое имеет сходный глагол в своей структуре (viskama – откинуть). Пожалуй, самым неадекватным использованием лексического перевода является такой пример:

„Liiva-Annus ei luba!“ [Kivirähk 2000: 9].

Пер.:

Безносая же не даст! [Кивиряхк 2008: 8]

“Liiva-Annus” – это образ, персонифицирующий смерть в эстонском фольклоре, который по аналогии с передачей слова “vikatimees” переведен здесь как “безносая”. Во-первых, в переводе используется эвфемизм, который уже был применён для другого устойчивого словосочетания. Такие случаи перевода приводят к нежелательному повтору и стилистическому однообразию, что, с нашей точки зрения, нивелирует языковую многогранность оригинального текста. Чтобы этого избежать, на наш взгляд, можно было бы использовать лексему “костлявая”. Во-вторых, использование слова “безносая” вместо транскрипции „Liiva-Annus” не отражает особенности культурного контекста в полной мере. В эстонском фольклоре „Liiva-Annus“ ассоциируется с фигурой смерти или олицетворяющим ее демоническим персонажем. Перевод этого выражения прилагательным „безносая” упрощает и обедняет смысл оригинала, лишая читателя возможности познакомиться с эстонскими фольклорными реалиями.

Логичнее было бы использовать транскрипцию:

“Лийва-Аннус не позволит!“

Такой перевод предполагал бы комментарий переводчика. Можно было бы дать пояснение в подстрочном примечании: „Лийва-Аннус“ — персонаж эстонского фольклора, олицетворяющий смерть. Подобный подход позволил бы сохранить авторский стиль, передать аутентичность текста и погрузить читателя в культурный контекст оригинального

произведения, что особенно важно для произведений Кивиряхка, насыщенных национальными реалиями.

Еще одним способом нефразеологического перевода является **описательный перевод**, который также используется Т. Верхоустинской.

Ср., например:

Koera Kaarli tares vedeles otse põrandal noor mees ja oigas suurest valust, **kerides end hirmsates piinades suisa kringliks** [Kivirähk 2000: 4].

Пер.:

В избе Карела Собачника прямо на полу лежал молодой мужик, и **корчась от жуткой боли**, стонал в голос [Кивиряхк 2008: 3].

Словосочетание „kringliks kerima“ (буквально: свернуться в крендель) передается посредством более свободного сочетания лексем: «корчиться от боли», что сохраняет смысл, но при этом в переводе теряется метафорическая составляющая. Стилистическая насыщенность оригинала в этом конкретном случае частично утрачивается.

Отметим, однако, что Т. Верхоустинская предпринимает попытки компенсировать подобные стилистические потери, подбирая фразеологические аналоги для исходно нефразеологических выражений. Интересным примером будет, например, такое предложение из оригинального текста:

Ilm oli novembri kohta haruldaselt hea, päike muidugi ei paistnud, aga vähemalt pähe ei sadanud midagi ja tuul ei lõiganud ihusse nagu lihuniku nuga [Kivirähk 2000: 23].

В оригинальном предложении нет никаких устойчивых выражений, однако Т. Верхоустинская в своём варианте перевода добавляет сразу три русских фразеологических аналога «на редкость», «понятное дело» и «по крайней мере»:

Воскресным утром многие жители деревни засобирались в церковь. Погода для ноября выдалась *на редкость* хорошая, солнце, *понятное дело*, не светило, но, *по крайней мере*, за шиворот ничего не капало, и ветер не пронзал тело, как нож мясника [Кивиряхк 2008: 21].

Следующий пример тоже можно отнести к стилистической компенсации:

Nagu **poleks elu aeg palakestki alla saanud**, kõik muudkui suhu! [Kivirähk 2000: 5]

Пер.:

Набрасываетесь на еду, **словно век во рту маковой росинки не бывало!** [Кивиряхк 2008: 4].

Здесь речь идёт о персонаже, который объелся краденого мыла, потому что перепутал его с «восточным лакомством». Выражение „ palakestki alla saama“ (дословно: «ни крошечки/ни кусочка не проглотить») не зафиксировано в эстонских фразеологических словарях, однако оно, вероятно, было образовано Кивиряхком на основе фразеологизма „hinge alla saama“, которое используется в значении «есть/пить» [EKSS]. В переводе Т. Верхоустинской это словосочетание передано оборотом «словно век во рту маковой росинки не бывало». С точки зрения семантической тождественности, это уместный вариант перевода, поскольку оба выражения применимы для описания очень голодного, давно ничего не евшего человека. Однако с точки зрения приближенности текста к оригиналу, перевод может показаться неадекватным, так как в русском языке существует фразеологизм «крошки во рту не было», который определённо ближе к первоисточнику. Вероятнее всего, Т. Верхоустинская в данном случае сознательно выбирает более архаичное выражение, поскольку оно помогает создать атмосферу традиционного сельского быта, что перекликается с реалиями романа, насыщенного этнографическими и фольклорными элементами.

Интересным является также следующий пример. Здесь Т. Верхоустинская заменяет отдельную лексему фразеологическим оборотом:

Mis sa ruunad neist! [Kivirähk 2000: 15].

Пер.:

Гоняешь их **по-черному**! [Кивиряхк 2008: 13].

В этой реплике Гуменщик обвиняет другого героя в том, что он слишком беспощаден к своим домовикам, вследствие чего они быстро приходят в негодность. Глагол “ruunama“ (кастрировать [EVS]) не является фразеологизмом, однако в тексте Кивиряхка он используется в переносном значении (затрепать/истаскать [Sõnaveeb]).

Т. Верхоустинская выбрала близкий по значению аналог «гонять по-черному» (т. е. очень сильно изматывать), который достаточно точно передает идею некомпетентного, грубого использования чего-либо. Мы также предполагаем, что фразеологическая конструкция «по-черному» этимологически может хорошо сочетаться с реалиями эстонского деревенского быта. Как известно, это выражение произошло от традиционного

способа отопления бань по-черному. В таких банях топили без дымохода, из-за чего горячий дым циркулировал в помещении и прогревал стены быстрее и равномернее. Процесс отопления был очень интенсивным и суровым, так как высокая температура в сочетании с дымом создавали жесткие условия для находящихся внутри бани. Со временем выражение «по-чёрному» стало ассоциироваться с любым крайним, беспощадным и изнуряющим действием. Этот образ хорошо вписывается в контекст эстонского оригинала: подобные бани являются частью староверческой традиции и до сих пор сохранились на территории Эстонии в статусе культурного наследия ЮНЕСКО [Михайлов]. Ещё одним вариантом перевода, по нашему мнению, могло бы стать выражение «гнать и в хвост и в гриву», так как глагол “ruunama” вероятнее всего произошел от существительного “ruun” – «мерин» [EVS] (кастрированный самец лошади). Можно предположить, что переносное значение оригинала основывается на образе загнанной тягловой лошади (т. е. “истаскать/затрепать” мерина до негодности в результате жестокого или небрежного обращения).

Как мы показали, Т. Верхоустинская использует широкий спектр переводческих стратегий для передачи фразеологических единиц. включая эквивалентный, лексический, и описательный и перевод. Однако наиболее частотным является применение фразеологического аналога. В целевом тексте прослеживается устойчивая тенденция: даже в тех случаях, когда в русском языке существует полный или частичный эквивалент исходного выражения, она отдаёт предпочтение аналогам. Это решение позволяет сохранить экспрессию и разговорный характер оригинала, но в то же время отдаляет перевод от первоисточника, снижая культурную и образную точность. Такой подход подчёркивает интерпретационную природу перевода и демонстрирует авторскую позицию при выборе выразительных средств.

Глава 2.

Семантическая организация фразеологии в романе „Rehepapp ehk November“.

В этой главе мы систематизировали фразеологизмы из романа А. Кивиряхка по семантическим категориям. Такой подход позволил не только упорядочить материал, но и выявить ключевые тематические доминанты произведения, отражённые в языке персонажей. Семантическая группировка фразеологических единиц помогает лучше понять, какие аспекты крестьянского быта, мировоззрения и народной ментальности находят выражение в устойчивых речевых оборотах, а также служит основой для дальнейшего анализа переводческих решений.

2.1 Обман и хитрость

Поскольку главные герои романа живут очень бедно и находятся в постоянной нужде, основной стратегией их выживания становятся обман и хитрость. В связи с этим в романе регулярно встречаются соответствующие фразеологизмы, отражающие мотивы обмана, ловкости, изворотливости и приспособления к тяжёлым условиям жизни.

В следующем примере деревенские бобыли Имби и Эрни крадут окорок из кладовой Гуменщика — несмотря на то, что он только что спас всю деревню от чумы. Эти персонажи выступают комическим воплощением жадности, а их реплика метко формулирует внутренний порядок, по которому живёт вся деревня в романе Кивиряхка:

Meid **tõmbas** küll ka korra **haneks**, aga eks see elu niimoodi käibki - kord on üks kavalam, siis teine. [Kivirähk 2000: 108]

Пер.:

Нас он тоже однажды **нагрел**, так уж в жизни заведено — один раз один перехитрит, другой раз — другой. [Кивиряхк 2008: 95]

Оригинальное выражение “haneks tõmbama” (ek petma, välja petma, tüssama, pügama) дословно можно перевести, как «вытянуть кого-то так, чтобы он стал гусем» — сделать из него «гуся», то есть простака, доверчивого глупца. Мы полагаем, что Кивиряхк использует данный фразеологизм в своём тексте неслучайно: помимо основного значения «обмануть», оно органично связано с аграрно-центричным укладом крестьянской жизни, где гусь был

привычной частью сельского быта, а сравнения подобного рода встречались в повседневной речи. Лексический перевод при помощи глагола «нагреть» конечно же утрачивает изначальный колорит исходного текста.

Ср. также:

Arvate, et olete hirmus kavalad ja **veate** meid alati **ninapidi**, aga viimaks lähete juba liiga ahneks ja ükskord **jääte** ikka **vahele**. [Kivirähk 2000: 181]

Пер.:

Думают, что хитрее всех на свете, **обманывают нас почем зря**, а когда жадность вконец одолевает вас, **вы остаетесь в дураках**. [Кивиряхк 2008: 158]

Выражение „ninapidi vedama“ (ek petma, tüssama) имеет в русском языке полный фразеологический эквивалент «водить за нос», однако Т. Верхоустинская использует глагол «обманывать», дополняя его фразеологизмом «почём зря». В оригинальном предложении также присутствует вторая идиома “vahele jääma” которая означает «попасться, оказаться уличенным в чём-то» [EVS]. В русскоязычной версии текста исходное выражение переведено с помощью фразеологизма «остаться в дураках» значение которого (разг. оказаться в глупом, смешном положении.) можно определить как семантически нетождественное оригиналу.

Рассмотрим также перевод фразеологизма “ümber sõrme keerama” (ek kedagi oma tahte alla painutama, kellegi üle täielikult valitsema hakkama):

Ta oli lootnud, et kubjas käitub nagu täismees, astub tüdruku juurde, paneb talle käe ümber piha, võtab musu ja siis on Liinal võimalus poiss **ümber** oma **sõrme keerata**, ning kui Hans viimaks aru saab, et see polnudki mõisapreili, on juba hilja [Kivirähk 2000: 166].

Пер.:

Он надеялся, что кубьяс поведет себя как настоящий мужик, подойдет к девушке, обнимет ее, поцелует, и тогда у Лийны появится возможность **обвести** парня **вокруг пальца**, а когда Ханс наконец поймет, что это вовсе не барышня, будет уже поздно [Кивиряхк 2008: 146].

Здесь автор перевода использует выражение «обвести вокруг пальца», лексический состав которого почти полностью совпадает с оригиналом. Тем не менее, словарное значение исходного фразеологизма существенно отличается от того, что предлагает Т. Верхоустинская. Выражение “ümber sõrme keerama” в эстонском языке означает

«подчинять кого-либо своей воле, полностью доминировать над кем-либо», тогда как русский фразеологизм «обвести вокруг пальца» подразумевает обман и хитрость. В данном случае в качестве аналога уместнее было бы использовать конструкцию «заставить плясать под свою дудку», которая точнее отражает смысл оригинального выражения — сознательное и устойчивое подчинение другого человека своей воле. Подобный пример наглядно демонстрирует, как важно учитывать не только формальное, но и функционально-семантическое соответствие при переводе фразеологических единиц.

В следующих двух примерах переводчица опять использует полюбившееся выражение «обвести вокруг пальца», хотя в оригинале встречаются совсем другое словосочетание:

Lõbusas tujus Oskar oli tulnud pärast Vanapaganale järjekordse **krutski mängimist** koju ning näinud juba kaugelt oma hoovis müterdavat majasuurust kogu [Kivirähk 2000: 116].

Пер.:

Довольный тем, как ему в очередной раз удалось ловко **обвести** Нечистого **вокруг пальца,** он направился домой и уже издалека увидел, что во дворе у него орудует какая-то громадина [Кивиряхк 2008: 102].

Ср. также:

Ta oli **narritanud** katku, **vedanud** surma ennast sageli **ninapidi**, petnud lugematuid kordi Vanapaganat ja kõiki teisi tigedikke [Kivirähk 2000: 180].

Пер.

Он **обвел вокруг пальца** чуму, саму смерть он нередко **водил за нос**, несчетное число раз обманывал Старого Нечистого и всякую прочую нечисть [Кивиряхк 2008: 158].

Как можно заметить, “krutski mängimine” (ek vigurdamine, tembutamine – проделки, штуки), и “narritama“ (издеваться, глумиться), с одной стороны, и “ümber sõrme keerama”, с другой - абсолютно разные по форме и содержанию выражения, однако в тексте Т. Верхоустинской все они сведены к одному фразеологическому обороту. Подобное переводческое решение приводит к стилистическому однообразию текста и нивелирует смысловые оттенки оригинала, снижая его выразительность и обедняя речевую палитру. Отметим также, что в последнем примере идиома “ninapidi vedama” переведена при помощи русскоязычного эквивалента, в связи с чем неясно, почему автор перевода избегает использования тождественного выражения в других аналогичных случаях.

2.2 Страх и болезни

Поскольку героям романа постоянно угрожает смерть от лихорадки, холода или какого-либо демонического существа, текст оригинала также изобилует выражениями, обозначающими реакцию героев на жизненные невзгоды. Иногда это просто банальная физиологическая реакция на появление нечисти:

Ja siis **lasi** Timofei oma **püksid täis**, sest kiltri surnukeha juures askeldasid kolm tonti [Kivirähk 2000: 44].

Пер.:

И тут Тимофей **напустил в штаны**, потому что вокруг тела покойного кильтера возились трое чертей. [Кивиряхк 2008: 39].

Оригинальное выражение “pükse täis laskma“ (ek keegi tunneb suurt hirmu, on tugevasti ehmunud) дословно переводится как «напустить полные штаны». Вариант перевода, который предлагает Т. Верхоустинская в своём тексте, является относительным эквивалентом.

В другом случае амбарщик Оскар, один из жителей деревни, испытывает страх при виде мертвого кубьяса со свернутой шеей:

Aidamehel **läks ihu külmaks** [Kivirähk 2000: 180].

Пер.:

У амбарщика **мороз по коже** продрал [Кивиряхк 2008: 157].

Выражение “ihu läks külmaks” является модификацией фразеологизма “südame alt külmaks minema” (ek tugevasti ehmuma, hirmu tundma hakkama). Исходная конструкция передается дословно как «тело заледенело». Фразеологический аналог «мороз по коже продрал» точно передает заложенный в оригинальном тексте смысл.

Следующая реплика принадлежит Гуменщику Сандеру — главному герою романа, который выполняет роль своеобразного деревенского старосты, наставника и проводника между мирами. Он обладает обширными знаниями о народной магии, духах и обрядах, и именно к нему односельчане обращаются за советом или помощью в делах, связанных с потусторонними силами.

Kananahk tuleb sulle **ihule** sellepärast, et sa passid õues külma käes! [Kivirähk 2000: 121].

Пер.:

Мурашки у тебя оттого, что торчишь во дворе на морозе! [Кивиряхк 2008: 106].

Фразеологизм “kananahk tuleb ihule“ (ek keegi kohkub, kellelgi hakkab hirm) дословно переводится как «на теле появляется куриная кожа». Образность выражения основана на визуальной аналогии: мурашки на коже человека сравниваются с кожей ощипанной курицы. Фразеологизм в исходном тексте отсылает читателя к крестьянскому быту, где ощипывание курицы было частью повседневной жизни, что придает фразеологизму дополнительную социально-бытовую окраску. В русском переводе бытовой колорит утрачивается, поскольку слово «мурашки» передаёт лишь физиологическую реакцию, не сохраняя визуальной метафоры и этнографической ассоциации, заложенной в оригинале. Подобных стилистических потерь можно было бы избежать при использовании относительного фразеологического эквивалента “гусиная кожа”.

Рассмотрим также отдельную категорию фразеологизмов, описывающих озноб от холода или лихорадки:

Kaarli **hambad plagisesid** tulises tõvehoos ja ta suutis ainult küsida [Kivirähk 2000: 52].

Пер.:

У Карела **зуб на зуб не попадал**, и он смог только вымолвить… [Кивиряхк 2008: 46].

В данном примере для перевода устойчивого выражения „hambad plagisevad“ (зубы стучат), используется фразеологический аналог «зуб на зуб не попадает». Это семантически тождественный перевод, однако в исходном предложении присутствует фраза “tulises tõvehoos” (в огненном приступе болезни/лихорадки), которую переводчик не включает в свой вариант текста.

Ср. также:

Koera Kaarel ärkas hommikul ning tundis, et üle hulga aja ei värisegi ta keha palavikuhoogude käes ning **hambad ei tao vastamisi**, justkui plaksutaks laadal komejantide trikkide peale käsi [Kivirähk 2000: 55].

Пер.:1

Карел Собачник проснулся утром и понял, что его не бросает больше то в жар, то в холод, а **зубы не выбивают дробь**, как зазывалы в ярмарочном балагане [Кивиряхк 2008: 49].

В этом фрагменте Кивирях сравнивает стук зубов с аплодисментами на ярмарочном балагане. Автор перевода решает использовать аналог «зубы выбивают дробь», однако вследствие этого приходится заменить оригинальную метафору, и в тексте перевода

сравнение осуществляется уже не с аплодисментами ярмарочным комедиантам, а с барабанной дробью балаганных зазывал. Это хороший пример того, как при передаче фразеологизма приходится адаптировать не только само выражение, но и его контекст, чтобы сохранить образность и органичность описания в целевом языке.

В следующем примере Кивиряхк не использует фразеологизмов, но остается в той же образной системе, которая является органичной для его романа:

Hirmus palavikuhoog raputas vaest Kaarlit ja **hambad** suus **tagusid teineteist nagu** soldatid **kadalipus** [Kivirähk 2000: 53].

Пер.:

Страшный приступ лихорадки сотряс Карела, **зубы** у него во рту **застучали** [Кивиряхк 2008: 47].

Здесь автор сравнивает стук зубов с поркой шпицрутенами (kadalipukaristus). Это телесное наказание, когда провинившийся идёт сквозь строй солдат, которые бьют его тонкими прутьями по спине. Важно отметить, что солдаты во время экзекуции стоят в два ряда друг напротив друга, ровно так, как зубы челюсти. Телесное наказание было неотъемлемой частью крестьянского быта, и использование такого сравнения не только усиливает семантику физического страдания в романе, но и подчёркивает жёсткие реалии жизни простого народа, для которого насилие и принуждение были обыденной частью существования. Т. Верхоустинская в своём варианте текста решила полностью нейтрализовать это сравнение, устранив культурно-бытовую коннотацию, тем самым ослабив заложенный в оригинале образный и социальный подтекст.

2.3 Насилие и угрозы.

Фразеологизмы, характеризующие сведение счетов, насилие и наказание занимают важную роль в тексте Кивиряхка. Используя такие выражения, автор передаёт атмосферу жестокого и сурового крестьянского существования. В следующем примере, который мы приведем, домовик Езеп (Joosep) сообщает своему хозяину, что успешно предотвратил попытку воровства и избил тех, кто посягнул на его имущество. Домовики в романе Кивиряхка, являются мифологическими персонажами: каждый хозяин изготовляет своего домовика, чтобы тот его обслуживал, например, воровал припасы из кладовых других жителей

деревни. Однако они так же могут выполнять рутинные бытовые задачи или даже охранять имущество своего хозяина, как домовик гуменщика:

Siis ma kargasin jaole ja **andsin** teistele paar sirakat **vastu kõrvu** [Kivirähk 2000: 7].

Пер.:

Тут уж я выскочил да **надавал** им **затрещин** [Кивиряхк 2008: 6].

Оригинальное выражение „vastu kõrvu andma“ (ek kedagi vastu kõrvu, näkku lööma) Т. Верхоустинская переводит при помощи конструкции «надавать затрещин». Это является относительным фразеологическим эквивалентом, однако „надавать по ушам“ очевидно ближе к оригиналу.

Ср. также:

Tule, Jüri, lähme ja **anname** sellele kodukäijale **kitli peale**. [Kivirähk 2000: 68].

Пер.:

Пошли, Юри, **вздуем-ка** этого **выходца с того света** [Кивиряхк 2008: 60].

В данном случае фразеологизм „kitli peale andma“ (ek peksa andma, peksma) переводится лексемой „вздуть“. Дословный перевод этого выражения — «надавать по халату», где „kittel“ — заимствованное из немецкого языка слово, обозначающее элемент рабочей одежды: длинную рубаху или халат, застегивающийся спереди на всю длину. Такой предмет одежды был распространен среди крестьян и слуг, поэтому выражение несет в себе ярко выраженный социально-бытовой колорит. В русском переводе используется просторечный глагол «вздуть», который передаёт сам факт избиения, однако лишён культурной и социальной отсылки, заключенной в оригинале. В результате стирается этнографическая окраска слова, и теряется важная связь со стилистическим контекстом романа как целого.

Ср. также:

Oh, sa täna õnne, et sa seal puu otsas oled, sinna ma ei viitsi sulle järele ronida, muidu sa alles **näeksid vett ja vilet** [Kivirähk 2000: 78].

Пер.:

Да благодари небо, что ты на дереве сидишь и мне лень лезть за тобой, а не то ты **узнал** бы, **где раки зимуют** [Кивиряхк 2008: 69].

Исходное выражение “vett ja vilet nägema” (ek karmi korda kogema, pidevalt sunnialune olema) в контексте романа означает угрозу телесной расправы, однако он может употребляться и в значении «узнать настоящие лишения/трудности». Фразеологизм «узнать, где раки зимуют» является наиболее подходящим аналогом, так как употребляется в тех же значениях.

2.4 Алкоголизм

Одной из ключевых локаций романа является трактир, неоднократно упоминаемый в повествовании как пространство для встреч главных персонажей. Он выполняет не только сюжетную функцию, но представляет собой важную речевую и культурную среду, в которой ярко проявляется устная традиция и образцы народной разговорной речи. Особую группу среди используемых фразеологических выражений составляют единицы, связанные с темой употребления алкоголя. Рассмотрим следующий пример:

Kurku tuleb ikka **kasta,** kui antakse! [Kivirähk 2000: 20].

Пер.:

Глотку завсегда надо **промочить**, раз угощают! [Кивиряхк 2008: 18].

Выражение „kurku kastma“ (ek pisut jooma) переведено здесь фразеологизмом «промочить глотку». Такой перевод семантически и формально полностью соответствует оригиналу.

Ср. также:

Pane põhi peale! [Kivirähk 2000: 53].

Пер.:

Давай **до дна**! [Кивиряхк 2008: 47].

Выражение „põhi peale panema“ (ek: anumat tühjaks jooma) на русском языке означает «поставь вверх дном», то есть опрокинь сосуд с жидкостью так, чтобы дно было наверху. Фразеологизм «до дна» является наиболее близким оригиналу и такой перевод можно определить как семантически тождественный.

Следующая реплика обращена к Карелу Собачнику — персонажу, едва не погибшему от тяжёлой хвори. В итоге ему всё же удается выздороветь с помощью водки, однако это приводит к затяжному запою:

Kes su tööd ära teeb, kui sa endal juba niisugusel tunnil **tati viltu võtad**? [Kivirähk 2000: 56].

Пер.:

А кто твои работы переделает, если ты уже в такой час **надерешься**? [Кивиряхк 2008: 49].

Исходное выражение “tati/nina viltu võtma” (ek end tugevasti purju jooma) дословно переводится как «набраться так, что нос набекрень». В русскоязычном варианте текста данная идиома переведена при помощи глагола «надраться». Такой перевод сохраняет смысл изначального выражения, однако в данном случае логичнее было бы использовать фразеологический аналог «в стельку».

Ср. также:

Kui ta oli oma **klahvi sisse keeranud**, nuuskas ta hoolega nina ja sättis end istuma [Kivirähk 2000: 57].

Пер.:

Пропустив свой **стаканчик**, он основательно высморкался и уселся поудобнее [Кивиряхк 2008: 50].

Здесь выражение “sisse keerama” (ek: jooma, ära sööma, hinge alla panema) идет в комбинации со существительным “klahv”, одно из значений которого «глоток, рот полный алкоголя». В русском языке нет такой лексемы, которая означала бы то же самое, в связи с чем Т. Верхоустинская в своём варианте перевода использует фразеологический аналог «пропустить стаканчик», который выполняет необходимую функцию в предложении.

Ср. также:

Seisab nagu **odratolgus** ja teeb lolli nägu [Kivirähk 2000: 91].

Пер.:

Стоит **дубиной стоеросовой** и рожи корчит [Кивиряхк 2008: 80].

Исходный фразеологизм (слитное существительное) „odratolgus“ (ek rumal inimene) дословно переводится как «ячменный дурень». В русском варианте текста Т. Верхоустинская использует выражение «дубина стоеросовая», что является уместным фразеологическим аналогом по смыслу и экспрессии: оно также означает тупого, неразумного человека. Однако при этом в переводе утрачивается второе значение оригинального эстонского фразеологизма. Слово odra- (ячмень) отсылает не только к сельскому быту, но и к производству алкоголя, поскольку водку традиционно гнали из зерна. Согласно словарю [FES], „odratolgus“ также означает пьяницу, человека, склонного

к злоупотреблению алкоголем. Важно отметить, что «ячменным дурнем» в произведении Кивиряхка называют определенного героя – батрака Яна. Ян откровенно не отличается высоким интеллектом, а его основной досуг – это безделье и беспросветное пьянство. Таким образом, оригинальное выражение „odratolgus“ применимо к персонажу во всём объёме своих значений: оно одновременно подчеркивает как его ограниченность, так и пристрастие к алкоголю, т. е. основные составляющие его образа. Русскоязычный же аналог «дубина стоеросовая», несмотря на точную передачу характеристики умственной неразвитости, не передает второе смысловое значение — ассоциацию с алкоголизмом, что приводит к частичной утрате авторской интенции и снижает выразительность характеристики персонажа в переводе.

2.5 Потребление пищи, голод

В условиях крайней нищеты и нехватки ресурсов, характерных для описываемой Кивиряхком деревенской жизни, еда становится главной ценностью и объектом постоянной борьбы. Почти все жители деревни, а также их домовики вынуждены красть друг у друга, чтобы выжить, и чаще всего предметом кражи оказывается именно пища. Но, как показывает автор, используя прием гротеска, размеры краж становятся иногда непомерно большими, далеко превосходящие потребности повседневных нужд. В связи с отмеченными особенностями содержания и стилистики романа в языке персонажей представлены фразеологизмы, связанные с голодом, едой, ее добыванием и поглощением пищи, отражающие как физическую нужду, так и народное восприятие базовых инстинктов. Приведем некоторые примеры.

Piiri peab pidama, mitte **labidaga suhu ajama**! [Kivirähk 2000: 4].

Пер.:

Меру надо знать, а не лопать **от пуза**! [Кивиряхк 2008: 4].

Оригинальное выражение “labidaga suhu ajama” дословно переводится как «загребать, грести в рот лопатой». Это авторский фразеологизм, выстроенный на основе выражения “labidaga kokku ajama” (ek palju ja kerge vaevaga raha, varandust teenima või saama), из которого заимствуется количественная характеристика (т. е. так много, что можно грести лопатой), а также основной образ и глагольная форма „ajama“. В качестве перевода Т. Верхоустинская использует фразеологический аналог «лопать от пуза», который сохраняет

основное семантическое содержание — чрезмерное потребление пищи. Однако при этом утрачивается комический эффект, создаваемый гиперболическим образом «загребать лопатой», а также социально-бытовой колорит, обусловленный упоминанием крестьянского орудия труда. В оригинале эта деталь не только усиливает выразительность образа, но и подчеркивает связь с реальностью деревенского быта, в то время как русскоязычный аналог звучит более обобщенно и стилистически нейтрально.

Приведем еще несколько примеров перевода фразеологизмов, описывающих поглощение еды.

Kui sellise kätte saaks, siis ta täna tööd ei teekski, võtaks leiva kaissu, poeks kuhugi urkasse ja **ajaks** aga **näost sisse**, kuni kõht nii punnis, et naba turri tõuseb. [Kivirähk 2000: 124].

Пер.:

Заполучить бы такую, так он сегодня и работать бы не стал, взял бы ковригу под мышку, забрался в какой-нибудь укромный уголок и **наелся** бы **от пуза**, так что пуп торчком [Кивиряхк 2008: 109].

Исходное выражение „näost sisse ajama“ (ek sööma) лексическим составом полностью отличается от фразеологизма из предыдущего примера, однако для его перевода снова используется идиома «от пуза». Это приводит к нежелательному повтору и стилистическому однообразию русскоязычного текста. В качестве аналога в одном из примеров можно было бы использовать выражение «уплетать за обе щёки», чтобы избежать тавтологии и внести больше вариативности в стилистическую палитру перевода, сохранив при этом разговорный, экспрессивный характер оригинала.

Ср. также фрагмент, где описывается возможное появление в лесу нечисти и волков, также заинтересованных в еде:

Meel oli rõõmus ja Imbi ümises isegi vaikselt laulda, ehkki teadis, et metsas on igasuguse hääle tegemine ohtlik - kollid, külmkingad ja hundid võisid kohale ilmuda ning su **pintslisse pista**, rääkimata igasugustest tõbedest, kes ainult seda ootasidki, et inimene suu lahti teeks [Kivirähk 2000: 83].

Пер.:

Имби даже мурлыкала себе что-то под нос, хотя и знала, что в лесу издавать какие бы то ни было звуки опасно: лешие, мерзлюки и волки могут напасть и **слопать** тебя **в два счета**, не говоря уж о всяких хворях, которые только того и дожидаются, чтобы человек открыл рот [Кивиряхк 2008: 73].

В данном примере выражение „pintslisse pistma“ (ek ära sööma või jooma) переводится при помощи просторечного глагола «слопать» в комбинации с фразеологизмом «в два счета». Таким образом, Т. Верхоустинская компенсирует лексический перевод, дополняя его ритмически и стилистически близким выражением, передающим идею скорости поглощения еды и ненасытности.

В одной из своих реплик Рейн Коростель, обычно не брезгующий воровством у соседей, отказывается брать еду из кладовой немецких баронов. Его отказ обусловлен не моральными соображениями, а глубоко укоренившимся антагонизмом к барской власти: даже в условиях нищеты он не желает прикасаться к «барскому добру», демонстрируя тем самым принципиальное неприятие социальной несправедливости.

Mõisa sahvrist näpatud liha ei **lähe** mul **kurgust allagi**! [Kivirähk 2000: 12].

Пер.:

Мясо из барской кладовой мне просто **в глотку не лезет**! [Кивиряхк 2008: 11].

Исходное выражение „kurgust alla minema“ (ek vastumeelsust alla surudes süüa suutma) в русскоязычном варианте текста переводиться при помощи фразеологизма «не лезет в глотку». Данный перевод является семантически и стилистически тождественным оригиналу.

2.6 Движение и побег

Как уже было сказано выше, жители деревни в романе Кивиряхка существуют в условиях постоянной опасности, насилия и непредсказуемости. Одним из наиболее частых способов реакции на угрозу для них становится бегство. В связи с этим в романе широко представлены фразеологизмы, характеризующие побег и стремительное удаление. Так, например, Эрни говорит Имби, когда они спасаются от морских коров, одну из которых им все-таки удается поймать:

Võta **jalad kõhu alt välja**! [Kivirähk 2000: 83].

Пер.:

Руки в ноги — и давай! [Кивиряхк 2008: 73].

Фразеологизм “jalad kõhu alt välja” (ek kiiremale kõnnile või jooksule sundiv hüüatus) в русскоязычном варианте текста переведен как «ноги в руки». Оба выражения служат в

предложении в качестве императивного побуждения к бегу, однако исходный фразеологизм имеет иную образную составляющую. Такой перевод относится к фразеологическим аналогам.

Следующая реплика принадлежит Оттю Яичко (Muna Ott) — персонажу, который сначала служил нечистому, а затем стал помощником местного священника Мозеля. Его образ олицетворяет приспособляемость и беспринципность как средство выживания в крайне тяжелых условиях:

Moosel kukkus karjuma, kukkus kantsli alla kõhuli maha, aga mina **panin ajama** ning jooksin otse siia [Kivirähk 2000: 158].

Пер.:

Мозель закричал, упал наземь возле кафедры, а я — **ноги в руки** и сюда [Кивиряхк 2008: 139].

Оригинальное выражение “ajama panema“ (ek kiiresti ära minema, põgenema) дословно переводится как «начать мчаться». Как мы можем заметить, Т. Верхоустинская в очередной раз использует один и тот же фразеологизм для перевода двух разных выражений. Как мы уже писали выше, это обедняет речевую палитру исходного текста и делает его стилистически менее разнообразным.

Ср. также:

Mõlemad pastlad jälle jalas, kiirustas ta tagasi võssa ning **pistis punuma**, et Imbist ja Ärnist metsa vahel ette jõuda [Kivirähk 2000: 84].

Пер.:

Надев второй постол, он поспешил обратно в заросли и **бросился обгонять** Имби с Эрни [Кивиряхк 2008: 74].

В исходном тексте батрак Ян «пустился бежать, чтобы опередить Имби и Эрни в лесу», в то время как в переводе Т. Верхоустинской он «бросился обгонять Имби с Эрни». Это несущественное различие, однако, в оригинале указывается обстоятельство места – лес.

В следующем примере речь идёт о кубьясе Хансе — крестьянине, находящемся на службе в мызе, то есть у немецких баронов. В феодальную эпоху кубьяс представлял собой особую категорию крестьянского служащего, который, как правило, контролировал ведение работ, выполнявшихся с помощью лошадей или волов, а также осуществлял надзор за трудом на

барщине. Узнав о ненависти Рейна ко всем барским приспешникам, он незамедлительно стремится убежать, понимая, что его положение может оказаться угрожающим.

Tema oli Reinu ilmumisest ilmselt häiritud ja tegi katset **jalga lasta** [Kivirähk 2000: 26].

Пер.:

При появлении Рейна он явно встревожился и **пустился** было **наутек** [Кивиряхк 2008: 24].

В данном отрывке Т. Верхоустинская переводит выражение “jalga laskma“ (ek ära või minema jooksma, põgenema, ära minema) фразеологическим аналогом «пуститься наутек». Такой перевод выполняет необходимую функцию в предложении, однако, в данном случае можно было бы использовать относительный эквивалент «делать ноги», чтобы достичь наибольшего сходства с оригиналом.

2.7 Убийство и смерть

Наиболее частотными в тексте Кивиряхка являются фразеологизмы на тему убийства и смерти. Это связано с общей атмосферой жестокости, нищеты и бесправия, в которой существуют главные герои. Употребление таких выражений в речи персонажей не только усиливает мрачный реализм повествования, но и подчеркивает примитивный, «земной» характер народного восприятия смерти — как чего-то повседневного, неизбежного и нередко даже банального. Приведем реплику из финального фрагмента романа:

Midagi pole parata, tuleb lasta tal täna möllata, homseks **on** ta **kutu** [Kivirähk 2000: 199].

Пер.:

Ничего не поделаешь, придется дать ему нынче побуянить, а завтра он будет **тише воды** [Кивиряхк 2008: 175].

Оригинальное выражение “on kutu” (ek keegi on surnud) дословно переводится как «приконченный» или «покойник». Т. Верхоустинская в качестве перевода использует фразеологизм «тише воды» значение которого (робкий, скромный) не соответствует первоисточнику. В тексте говориться о батраке Яне, который избил своего хозяина, а следовательно, ему неминуемо грозит смерть. В данном случае наиболее уместно было бы использовать один из множества фразеологических аналогов по типу «ему крышка» или «ему конец», чтобы избежать такого грубого семантического несоответствия.

Ср. также:

Koera Kaarel hakkas hirmust üle kere vappuma, teda haaras jube aimdus, et kui ta otsekohe viina ei saa, tuleb jõle halltõbi tagasi, kargab talle taas kraesse ja raputab nagu takutuusti, kuni on aeg **Mulla-Madise juurde kobida** [Kivirähk 2000: 55].

Пер.:

Со страху Карела Собачника стала бить дрожь, его охватило жуткое предчувствие: если он немедленно не выпьет водки, страшная хворь вернется, снова вцепится в него и станет трепать, словно мочалку, пока не придет время **отправиться на тот свет** [Кивиряхк 2008: 49].

Оригинальный фразеологизм “Mulla-Madise juurde kobida” дословно переводится как «отправиться к Мулла-Мадису». По аналогии с „Liiva-Hannus“ это означает отправиться к ещё одной персонификации смерти, распространённой в эстонском фольклоре. Имя Mulla-Madis буквально означает «Земляной Мадис», что отсылает к земле как месту погребения, а также к образу смерти, уносящей человека под землю. Употребление такой фразеологической конструкции в романе придаёт высказыванию фольклорную окраску, а также отражает народное, мифопоэтическое восприятие смерти. В русскоязычном варианте текста используется фразеологический аналог „отправиться на тот свет“, в связи с чем изначальный колорит образа смерти стирается.

Ср. также:

Saadame lendva teele, see lööb talle augu plaksti otsaette, nii et ajud väljas, ning ongi surm käes [Kivirähk 2000: 135].

Пер.:

Нашлем на нее **антонов огонь** — и вся недолга [Кивиряхк 2008: 119].

Оригинальное выражение „lendva teele saatma“ дословно переводится как «послать лендву в путь» и восходит к эстонскому фольклору, где “lendva” (также известная как “rabandus”) представляет собой мифическую стрелу ведьмы. Согласно народным верованиям, ведьмы или колдуны могли изготовить такую стрелу при помощи заклинаний или ветра, направив его в сторону жертвы, чтобы внезапно ее поразить, вызывая мгновенную смерть — чаще всего в форме инсульта или сердечного приступа [Kõiva]. Кивиряхк брутализирует этот фольклорный мотив: в его тексте ведьмина стрела может пробить «дырку во лбу, так что мозги наружу». В русском переводе Т. Верхоустинская передаёт смысловые значения

оригинала при помощи выражения «наслать антонов огонь». На Руси «антонов огонь» обозначал эрготизм — тяжёлое отравление спорыньей, вызывавшее сухую гангрену и нередко объяснявшееся как результат колдовской порчи. Таким образом, перевод сохраняет общее значение магического поражения человека, однако Т. Верхоустинская опускает жесткую, гротескную детализацию сцены смерти, присутствующую в оригинале. С учётом того, что Кивиряхк превращает мифопоэтический образ в буквальную физическую атаку, в переводе можно было бы адаптировать «антонов огонь» в аналогичной манере, придав ему телесную конкретность. Например: «Нашлем на неё антонов огонь — она вспыхнет, как спичка, и через секунду от неё только уголёк останется». Такой подход позволил бы сохранить не только культурную отсылку, но и натуралистичность образа, присущую оригиналу.

Проведённая семантическая классификация фразеологических единиц, встречающихся в романе Андруса Кивиряхка, позволяет глубже понять не только структуру текста, но и концептуальные основы авторского мира. Устойчивые выражения в романе группируются вокруг ключевых тем крестьянского существования — выживание, страх, голод, насилие, смерть — и функционируют как важные маркеры народного мышления, бытового опыта и языковой картины мира. Каждая семантическая группа отражает определённый пласт крестьянской реальности, а анализ соответствующих переводческих решений даёт возможность оценить, в какой степени перевод сохраняет эти смыслы и образность. На основе имеющихся данных можно заключить, что стратегия перевода фразеологических единиц остаётся неизменной вне зависимости от их семантической принадлежности. Кроме того, сохраняется устойчивая тенденция к выбору функциональных аналогов вместо использования существующих фразеологических эквивалентов. Систематизация и классификация переведённых выражений позволили выявить случаи стилистического упрощения оригинального текста: различные по форме, образной структуре и семантическому наполнению фразеологизмы в переводе Т. Верхоустинской нередко передаются одним и тем же выражением, что свидетельствует о редукции языкового и стилистического многообразия оригинала.

Заключение

Исходя из изученных нами примеров, можно заметить, что переводчик избегает полных фразеологических эквивалентов, в пользу более уместных, на его взгляд, аналогов. В результате этого, как мы показали, происходят некоторые стилистические изменения, для восполнения которых предпринимаются попытки переводческой компенсации. Для перевода авторских выражений Т. Верхоустинская использует более нейтральные и однотонные аналоги. Например, фразеологизм “labidaga suhu ajama” (загребать в рот лопатой) в оригинале, в целевом тексте передан при помощи выражения “лопать от пуза”, что на наш взгляд мало соответствует комичному образу оригинала. Т. Верхоустинская демонстрирует разнообразие переводческих решений, однако перевод интуитивно воспринимается как не совсем удачный, поскольку в нем отсутствует легкость, присущая исходному тексту. Языку Кивиряхка присущи грубоватые, просторечные выражения и фольклорная ирония, которые создают в тексте особенную атмосферу и передают дух народных преданий. В оригинале текст по-своему ритмизован: он построен на коротких, динамичных фразах, резких переходах и характерных для фольклора повторах. Во многом благодаря ритмичности текста выстраивается композиция романа, где повествование естественно ускоряется или замедляется в зависимости от сюжетной ситуации, что усиливает комическое и драматическое воздействие текста на читателя исходного текста. В переводе же этот ритм зачастую нарушается из-за излишне сложных конструкций или утяжеляющих восприятие читателя фразеологических оборотов. В тех случаях, когда Т. Верхоустинская выбирает более длинные и менее динамичные обороты вместо кратких и емких фраз Кивиряхка, текст теряет свою музыкальность и фольклорную непринужденность. Вместо быстрой смены настроения и резких акцентов, характерных для оригинала, в переводе находим более монотонное изложение, что снижает эмоциональную насыщенность текста. Кивиряхк славится необычными метафорами и выражениями, которые передают самобытность и колорит эстонского фольклора. Из-за нейтрализации отдельных фразеологических единиц теряются важные культурные составляющие речи повествователя и стиля героев. Например, метафоры, преисполненные деревенского юмора и грубоватой экспрессии, в переводе звучат приглушенно или чрезмерно сглаженно. Стилистическая неоднородность оригинала, где повествование контрастирует с речью

персонажей, передана не всегда точно, из-за чего герои романа утрачивают часть своего своеобразия. При этом исчезает также противопоставление повествователя и героев на уровне языка и стиля.

Дополнительно, как показал тематико-семантический анализ, фразеологические единицы в романе распределены вокруг ключевых тем — таких как обман и хитрость, страх, смерть, еда, физическое насилие. Эти группы не только отражают ментальные установки персонажей, но и формируют художественное пространство текста. Однако в переводе наблюдаются повторяющиеся тенденции упрощения или стилистического нивелирования этих выражений. Одни и те же фразеологизмы используются для перевода разных исходных единиц, что снижает богатство образов и разрушает нюансировку оригинала. В большинстве случаев фразеологизмы с ярко выраженным фольклорным колоритом заменяются на более универсальные, но менее выразительные конструкции. Это приводит к потере фразеологических оттенков, и нивелированию социальной и культурной аутентичности текста.

Таким образом, утрата ритма, языковой гибкости и стилистических контрастов приводит к тому, что перевод, хотя и сохраняет общий смысл произведения, но не передает всей глубины и живости оригинального текста Кивиряхка.

Список использованной литературы

1. Кивиряхк: *Кивиряхк А.* Ноябрь, или Гуменщик. Пер. с эст. Т. Верхоустинской. Таллинн, 2008.
2. Francois: *Serpent, F*. Rehepapp, ehk, Eesti kyla esimesest viimase novembrini // Vikerkaar, 2001, nr. 5/6.
3. Kivirähk2000: *Kivirähk A.* Rehepapp ehk November. Tallinn, 2000.
4. Kivirähk2000a: *Kivirähk A.* Eesti Üliõpilaste Seltsi album 18. Tartu-Tallinn, 2000.
5. Kõiva: *Kõiva M.* Lendvapärimus. // Eesti folkloristide server Haldjas. URL: https://www.folklore.ee/lendva/?parimus=list (дата обращения: 21.05.2025).
6. Lindström: *Lindström K.* Postmodernistlikus romaanis varastavad kõik // Vikerkaar, 2002, nr. 2-3.
7. Mutt: *Mutt M.* Täiendusi eestlase mõttemaailma arengule // Looming, 2001, nr. 1.
8. Raun: *Raun O*. Andrus Kivirähk ja sotsialistlik realism [“Rehepapp”] // Sirp, 2001, 9. veebr. URL: www.sirp.ee/archive/2001/09.02.01/Kirjand/kirjand1-2.html (дата обращения: 19.12.2024).
9. Trunin: *Trunin M*. „November“ või „Rehepapp“? Kas irooniline grotesk või armastusdraama? // Sirp, 2017, 17. veebr.
10. Tüür: *Tüür K.* Ellujäämise komöödia. „Rehepapi” näitel // Vikerkaar, 2002, nr. 5-6.
11. Влахов, Флорин: *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
12. Михайлов: *Михайлов С.* Баня по-чёрному из Вырумаа вошла в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО // ERR Новости, 2014. URL: rus.err.ee/203166/banja-po-chernomu-iz-vyrumaa-voshla-v-spisok-nematerialnogo-kulturnogo-nasledija-junesko (дата обращения: 26.12.2024).
13. Телия: *Телия В.Н.* Русская фразеология (Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты). М., 1996.

14. Mihkelev*: Mihkelev A.* Rahvapärimus ja multimeedia eesti kaasaegses kultuuris // Eesti Ida ja Lääne vahel: „oma“, „teise“, „võõra“, „vaenlase“ kujundite paradigma XX sajandi Eesti kultuurides. Tallinn, 2017.

15. Valk: *Valk Ü.* Saksad ja varavedajad: eesti muistendite sotsiaalsest orientatsioonist // Kes kõlbab, seda kõneldakse. Pühendusteos Mall Hiiemäele. Eesti Rahvaluule toimetised. Toim E.-H. Västrik. Tartu, 2008.

16. Федоров: *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008. URL: rus-phraseology-dict.slovaronline.com (дата обращения: 26.12.2024).

17. EVS: Eesti-vene sõnaraamat. URL: www.eki.ee/dict/evs/ (дата обращения: 26.12.2024).

18. FES: Eesti fraseologismide elektrooniline alussõnastik. URL: www.folklore.ee/justkui/sonastik/ (дата обращения: 26.12.2024).

19. FRS: Fraseoloogiasõnaraamat. URL: arhiiv.eki.ee/dict/frs/index.cgi (дата обращения: 26.12.2024).

20. Sõnaveeb: *Sõnaveeb*. URL: https://sonaveeb.ee/ (дата обращения: 02.01.2025).

Приложение 1.

Способы перевода фразеологизмов на материале первых четырех глав романа.

Оригинальный фразеологизм в контексте предложения	**Перевод фразеологизма в контексте предложения**	**Исходный фразеологизм и его значение**	**Перевод фразеологизма и его значение**	**Комментарий к переводу**
Ta talitas saunas nagu sai, kattis laua, sättis kõik kenasti, et kadunud emakesel oleks tore jälle kord kodus olla, ja läks siis oma asju ajama.	Она, как умела, хлопотала в бане, накрыла на стол, расставила угощенье, чтобы покойной матушке было приятно вновь оказаться дома, и отправилась затем по своим делам.	lauda katma – накрывать стол (в эстонских фразеологических словарях отсутствует)	накрывать стол – приготавливать к еде	Полный фразеологический эквивалент.
		asju ajama - korraldama, korda ajama	заниматься своими делами	Нефразеологический лексический перевод.

Nad ei vestelnud omavahel, vaid olid eranditult kõik väga vaiksed, ei paotanud suud isegi haigutamiseks, kui see häda peale tuli, vaid surusid lõuapärad veel tugevamini kinni ning haigutasid suletud huultega nii et vesi silmis.	Никто не разговаривал, все без исключения притихли, никто рта не раскрывал, даже если находила зевота, только покрепче стискивали зубы и зевали с закрытым ртом, так что слезы из глаз.	suud paotama - kõnelema hakkama, midagi ütlema	раскрывать рот - начинать говорить	Полный фразеологический эквивалент.
„Ei tea, ikka ilus on...” venitas tütar ja õgis silmadega Liinat.	Да ну, красиво же... — протянула дочка, пожирая глазами Лийну.	silmadega õgima - ahnelt vaatama, jälgima	пожирать глазами - кого. Экспрес. Неотрывно и пристально смотреть на кого-либо.	Полный фразеологический эквивалент.

Võim on ikka parunihärra käes, mina olen vaid tema armetu ori, täiesti oma isanda voli all!	Власть-то у барона, я всего лишь жалкий раб его, весь как есть в его власти!	voli all olema – kellegi poolt allutatatud olema, sõltuma kellestki, kellegi üle valitsema	Находиться во власти - под воздействием, влиянием, впечатлением.	Полный фразеологический эквивалент.
Kurku tuleb ikka kasta, kui antakse!	Глотку завсегда надо промочить, раз угощают!	kurku kastma - pisut jooma (ka alkoholi)	промочить горло - Разг. Шутл. Выпить немного спиртного.	Автор перевода использует слово "глотка" вместо "горло", но перевод всё же можно считать полным фразеологическим эквивалентом.

Sa, siga, ihud minu ja mu suguvõsa hõbeda peale hammast!	Ты, мерзавка, точишь зуб на наше серебро!	hammast ihuma – tahtma, soovima, himustama hammast ihuma, keelt limpsama, maias kellegi või millegi peale nagu kits kuse peale	точить зуб - Зариться, стремиться заполучить кого-либо или что-либо.	Полный фразеологический эквивалент.
Lapsed irvitasid, kratt krigistas hambaid.	Дети хихикали, домовик скрипел зубами.	hambaid kiristama/krigistama - suure vaevaga vihapurset tagasi hoidma, end vaevu valitsema	скрипеть зубами - Разг. Экспрес. Испытывать злость, раздражение; выражать сильное недовольство.	Полный фразеологический эквивалент.

Pole neil au ega häbi, algul lakuvad sakste perset ja siis tulevad vaese mehe viimast varanatukest näppama!	Ни стыда, ни совести — сперва задницу господам лижут, а потом у бедного мужика последнее добро утянуть готовы!	perset lakkuma - pugema, lipitsema külje alla pugema	лизать задницу - кому. Грубо-прост. Угодничая, пресмыкаться, унижаться перед кем-либо	Полный фразеологический эквивалент.
		ei ole au ega häbi – jultunud, häbitu, hoolimatu risti ette ei löö, ei karda jumalat ega häbene inimest	ни стыда, ни совести - Прост. Предосуд. Кто-либо бессовестен, бесчестен, непорядочен и т. п.	Относительный фразеологический эквивалент.
Oi, oled sees, Oskar! Kõrvuni sees!	Ну, Оскар, уж теперь-то ты влип! По уши!	kõrvuni sees olema - по уши в этом (в эстонских фразеологических словарях отсутствует)	по уши - в чём (во что). Весь, целиком; снизу доверху.	Относительный фразеологический эквивалент.
Mõisa sahvrist näpatud liha ei lähe mul kurgust allagi!	Мясо из барской кладовой мне просто в глотку не лезет!	kurgust alla minema - идти в глотку (в эстонских фразеологических словарях отсутствует)	Не лезет в глотку - Прост. Экспрес. Нет желания есть, пить что-либо.	Относительный фразеологический эквивалент.
Siis ma kargasin jaole ja andsin teistele paar sirakat vastu kõrvu.	Тут уж я выскочил да надавал им затрещин.	mööda/vastu kõrvu andma – peksma	дать затрещину - ударить	Относительный фразеологический эквивалент. "Надавать по ушам" очевидно ближе к оригиналу.

Kui tööd ei anna, siis keeran sul kaela kahekorra, nii nagu kaup oli.	Не задашь — сверну тебе шею, как и договаривались.	kaela kahekorra keerama – maha lööma, hävitama, lõppu peale tegema	Свернуть шею - грубо-прост. Убить кого-либо. Обычно употребляется как угроза.	Относительный фразеологичес-кий эквивалент.
Kas sa kasid, või ma käänan sul kaela sõlme!	Убирайся, пока я тебе шею не свернул!	kaela kahekorra käänama –maha lööma, hävitama, lõppu peale tegema (здесь автор заменяет один компонент – вместо kahekorra – sõlme)	Свернуть шею - грубо-прост. Убить кого-либо. Обычно употребляется как угроза.	Относительный фразеологичес-кий эквивалент.
Tähenda oma nimi üles, tilguta tilgad ja siis võid kas või oma pükstele hinge sisse panna, kui tahad.	Запиши свое имя, капни три капли крови и, если хочешь, можешь душу хоть в портки свои вдохнуть.	hinge sisse panema - midagi käima, liikuma saama, tegutsemisvõimeliseks muutuma, tegutsema hakkama	вдохнуть душу - во что. Экспрес. Оживить, возродить что-нибудь.	Относительный фразеологичес-кий эквивалент
Mul on krati kere juba kodus valmis meisterdatud, saatke toss tema sisse, las püksid jääda, nagu nad on.	У меня дома тулово домовика уже заготовлено, вдохните в него жизнь, а портки пусть остаются как есть.	elu sisse saama - midagi käima, liikuma saama, tegutsemisvõimeliseks muutuma, tegutsema hakkama.	вдохнуть жизнь - в кого. Экспрес. Оживить, одухотворить кого-либо.	Этот перевод можно отнести к относительным эквивалентам.

Piiri peab pidama, mitte labidaga suhu ajama!	Меру надо знать, а не лопать от пуза.	Piiri (mitte) pidama - liialdama üle piiri minema, pilli lõhki ajama	проявлять умеренность в чем-л., совестливость, скромность	Фразеологизм “знать меру” является семантически тождественным эстонскому “piiri pidama“, однако имеет другой лексический

				состав (дословно: соблюдать границу). Это фразеологический аналог.
		labidaga suhu ajama (загребать в рот лопатой) – в словаре отсутствует, индивидуальный фразеологизм, наиболее близкий по значению из словарных выражений — это labidaga kokku ajama (сгребать лопатой)	от пуза - Обл. Экспрес. Досыта	Выражение “лопать от пуза” является фразеологизмом, где “от пуза”, непосредственно, идиоматическое ядро, а глагол “лопать” может быть заменён на любой другой глагол, означающий потребление пищи. Данное выражение является фразеологическим аналогом.

Temal polnud küll vaesest hädalisest sooja ega külma, tema oli lihtsalt üks mõistuseta elajas ning ajas omi asju.	Правда, какое ему дело до бедного страдальца, тварь неразумная живет своей жизнью.	pole sooja ega külma - ükskõikselt, ükskõik, ei lähe kellelegi korda, ei võeta kuulda. Отдельная категория фразеологизмов по схеме ei X ega Y (ei liha ega kala, ei puis ega mais).	какое дело - совсем не касается кого-либо, безразлично кому-либо.	Несмотря на наличие в русском языке тождественного эквивалента “ни горячо, ни холодно”, автор всё же решает воспользоваться фразеологическим аналогом.
Nagu poleks elu aeg palakestki alla saanud, kõik muudkui suhu!	Набрасываетесь на еду, словно век во рту маковой	palakestki alla saanud (ни крошки не проглотить, не получить) – в словарях встречается достаточно	словно век во рту маковой росинки не бывало - кто-	Фразеологический аналог вполне точный, вписывается в стилистический контекст

	росинки не бывало!	много фразеологизмов с конструкцией alla saama, которые очень сильно разняться по своему значению (hinge alla saama, saba alla saama, vesti alla saama). Этот фразеологизм трансформирован автором на основе уже существующей фразеологической конструкции.	либо совсем ничего не ел, не пил.	романа, впрочем, “Крошки во рту не было” определённо, ближе к оригиналу и является относительным эквивалентом.

Minu peremees oli kärvand, keerasin tal nina kukla taha, kui ta mulle enam miskit tööd ei mõistnud anda, ja Vanatühi sai ta hingekese endale.	А мой хозяин помер, я ему башку свернул, когда он мне работу задавать перестал, и Старый Нечистый заполучил его душеньку.	nina kukla taha keerama - kellelegi peksa andma, kedagi näkku lööma	свернуть башку - кому. Грубо-прост. Убить кого-либо.	Фразеологический аналог. Несмотря на то, что оба выражения означают насильственный поворот головы вокруг своей оси, словарное значение эстонского фразеологизма - это лишь нанесение побоев, в то время как в тексте речь идёт об убийстве.
No vaat nüüd oleks paras, kui sa selle hea asjaga hauda läheksid.	Вот теперь поделом бы тебе на тот свет отправиться с этим лакомством.	hauda minema – surema	отправиться на тот свет - ирон. умирать.	Фразеологический аналог, наиболее близким по значению и форме будет фразеологизм "сойти в могилу".

Kust ma vastu talve uue sulase võtan, kui see otsad annab.	Где мне на зиму глядя нового батрака взять, если этот ноги протянет.	otsad andma – surema	протянуть ноги – умереть	Фразеологический аналог, перевод семантически тождественный. Здесь автор перевода снова отдает предпочтение аналогу, несмотря на существование выражения “отдать концы” которое, является полным эквивалентом.

„Oh, mis siis viga, kui leidub leivatükk, mida suhu pista, ja tilk piimagi palukese allaloputamiseks," kõneles Imbi laulvalt, samal ajal kui Ärni mudis käes kartulikotti, mis tal alati ühes oli - ehk on midagi ripakil, siis saab kohe sisse susata!	Да что уж может быть лучше, чем краюшка хлеба да толика молочка, — завела нараспев Имби, тогда как Эрни теребил картофельный мешок, который всегда носил с собой, чтобы было куда сунуть добро, если вдруг окажется, что где-то что-то плохо лежит.	ripakil olema - торчать, плохо лежать.	Плохо лежит - Разг. Ирон. Ненадёжно спрятано, легко можно украсть, присвоить.	Фразеологический аналог.
Vanapaar tegi üheskoos kniksu ja põgenes hirmsa jooksuga võssa	Старикашки присели почтительно и тотчас во все лопатки припустили в заросли.	hirmsa jooksuga põgenema – убегать очень быстро	во все лопатки - Разг. Экспрес. Очень быстро, стремительно	Фразеологический аналог.

Mina olen teisi teinud sadu, ja alati puhtalt välja tulnud.	Я домовиков штук сто, небось, смастерил и всегда сухим из воды выходил.	(Supist) puhtalt välja tulema - pääsema	выйти сухим из воды - Разг. Экспрес. Оставаться безнаказанным, избегать заслуженного наказания.	Этот перевод можно отнести к фразеологическим аналогам.

Jumal teab, millest see tuleb, vahest vihmasest ilmast," arvas Oskari naine Mall, kes kandis põlle all juba kuuendat last.	Кто его знает, с чего, может, от дождливой погоды, — предположила жена Оскара Малл, которая ждала уже шестого ребенка.	jumal teab - keegi ei tea, kes seda teab, pole teada	кто его знает - Разг. Неизвестно, никто не знает.	Автор перевода решает воспользоваться аналогом, в то время как можно было использовать полный эквивалент «Бог знает».

Õhtuks saab selgeks, et midagi välja ei tule, nuuska või hing välja!	К вечеру станет ясно, что хоть ты тресни — ничего не получается!	hinge välja nuuskama – высморкать душу (индивидуальный фразеологизм)	хоть тресни - Прост. Экспрес. Что ни делай, как ни старайся. О тщетных усилиях, стараниях.	Фразеологический аналог.
See ei kaalu ju tuhkagi!	Оно и весит-то всего ничего!	mitte tuhkagi - sugugi mitte, üldsegi mitte	всего ничего - Разг. Экспрес. Очень мало.	Фразеологический аналог.

Maigutas niisama suud ja teretas siis aupaklikult mõisa Luiset, kelle suhtes ta salajas südamesopis teatud plaane pidas.	Просто пожевал губами, а затем почтительно поздоровался с горничной Луйзе, в отношении которой он в тайниках души строил определенные планы.	salajas südamesopis - sisimas, endamisi, väliselt välja näitamata	в тайниках души	Фразеологический аналог.
Tema oli Reinu ilmumisest ilmselt häiritud ja tegi katset jalga lasta.	При появлении Рейна он явно встревожился и пустился было наутек.	jalga laskma - ära või minema jooksma, põgenema, ära minema	пуститься наутёк - сбегать, делать ноги	Фразеологический аналог.

Lõin kulpi ja nõudsin tööd!	Нет, взял под козырек и потребовал задать работу!	kulpi lööma - sõjaväelaslikult, kätt kõrva äärde lüües tervitama	взять под козырёк - приветствовать по-военному, приложив руку к козырьку.	Сама структура переведённого фразеологизма во всём отличается от оригинала, но словарное значение совпадает полностью. Это выражение можно отнести к фразеологическим аналогам.

Kindlam oli ikka ise minna, vaadata, uurida ja tuua seda, mis isu äratas.	Все-таки вернее самому отправиться, оглядеться и принести то, на что глаз положишь.	isu äratama - вызывать аппетит (в эстонских фразеологических словарях отсутствует)	положить глаз - кто на кого, на что Обратить особое внимание; заприметить, остановить свой выбор.	В данном случае автор решил использовать фразеологический аналог, поскольку речь в тексте идёт не только о еде, а обо всём что имеет ценность.

Päris õige oleks jah, kui va vikatimees sulle kohe praegu järele tuleks ja jalust viiks.	Поделом бы безносая тебя сей же час прибрала.	vikatimees – surm	безносая - смерть	Лексема “безносая” в данном случае, тоже означает смерть, но ни в одном из русских фразеологических словарей не встречается. Это нефразеологический лексический перевод.

Liiva-Annus ei luba!	Безносая же не даст!	Liiva Hannus/Annus - surma rahvapärane personifitseeriv nimetus	безносая - смерть	Нефразеологический лексический перевод.
Kes mu talutööd ära teeb, kui Jaan nüüd enne jõulu kõrvad pea alla paneb.	Кто в моём хозяйстве работы справит, если Ян под Рождество окочурится.	kõrvu pea alla panema – surema	окочуриться - то же, что умереть	Это нефразеологический лексический перевод.
Kütsin seni, kuni vanamees pidi peaaegu et lusika nurka viskama,	Натопил так, что старик чуть не окочурился. Стал пощады просить и	lusika nurka viskama – surema	окочуриться - то же, что умереть	Нефразеологический лексический перевод. Используя исходный глагол, можно было воспользоваться

siis hakkas armu paluma ja kinkis mulle selle imekotti.	подарил мне эту волшебную торбочку.			фразеологическим аналогом «откинуть копыта».

Koera Kaarli tares vedeles otse põrandal noor mees ja oigas suurest valust, kerides end hirmsates piinades suisa kringliks.	В избу Карела Собачника прямо на полу лежал молодой мужик, и корчась от жуткой боли, стонал в голос.	End (valust) kringliks kerima (свернуться в крендель (от боли)) – данный фразеологизм индивидуальный, так как его нет в словарях. Автор, предположительно сконструировал его на основе, фразеологизмов с тем же идиоматическим ядром (kringliks käänama, kringliks külmanud). (это трансформированный фразеологизм, так как автор использует существующие устойчивые словосочетания)	корчиться от боли	Этот перевод лишён экспрессии и метафоричности, фразеологическая единица заменена переменным словосочетанием, это нефразеологический описательный перевод.
Tema ei salli oma kodus mingeid mõisaasju, ja mõisainimesi tema kohe vihkab!	Он не потерпит в своем доме никаких барских вещей, ведь он просто на дух не переносит тех, кто в усадьбе служит!	vihkama – ненавидеть	на дух не переносить - Прост. Презр. Не допускать наличия кого-либо, чего-либо, не мириться с существованием.	Это перевод глагола при помощи фразеологизма.
Pole ju teist kulutanud ka õieti, ainult tähtsamateks	И не перетруждал его особо, только по	ära lagunema - разваливаться (в эстонских фразеологических словарях отсутствует)	выйти из строя - Терять свои качества,	Перевод глагола при помощи фразеологизма.

asjadeks, kuidas ta küll nii järsku ära lagunes.	важным делам, и как это он так быстро из строя вышел.		пригодность (о чём-либо).	
Neile ta ajaks kohe koera kallale!	Готов на них тотчас собак спустить!	koera kallale ajama – нагнать собак	спустить собак - Прост. Экспрес. Несправедливо, незаслуженно, огульно ругать кого-либо.	Перевод устойчивого выражения фразеологизмом. (в его буквальном значении.)
Nüüd ei pea sa enam elu sees nägu pesema, Jaan!	Теперь тебе, Ян, по гроб жизни не надо больше умываться!	ei pea sa enam elu sees - не должен больше никогда в жизни	по гроб жизни - Экспрес. До самого последнего дня жизни; до самой смерти.	Перевод устойчивого словосочетания фразеологизмом.
Kas sa arvad, et ma päris meelemõistuseta olen!	Думаешь, я совсем разума лишился?	meelemõistuseta olema – быть без разума (в эстонских фразеологических словарях отсутствует)	лишиться разума - Сходить с ума, обезуметь	Перевод свободного словосочетания фразеологизмом.

Need olid Imbi ja Ärni, poppidest vanapaar, vist kõige ahnemad inimesed terves külas.	Это были Имби и Эрни, чета бобылей, самые что ни на есть жадные люди во всей округе.	Фразеологизма нет	самые что ни на есть - Прост. Экспрес. В высшей степени; самый.	В переводе устойчивое словосочетание появляется.

Oli kohutavalt niiske, märg jahedus puges isegi läbi kasuka ning tõi kaasa külmavärinad.	Сырость стояла несусветная, промозглый холод пробирался даже под тулуп, отчего по телу бегали мурашки.	külmavärinaid kaasa tooma	мурашки бегают по спине (по телу, по коже) - Разг. Экспрес. Ощущение озноба от внезапного сильного страха, волнения, возбуждения и т. п.	В оригинале фразеологизма нет, в переводе он появляется – «бегают мурашки».

Mis sa ruunad neist!	Гоняешь их по-черному!	ruunama - кастрировать/выхолащивать/ истаскать/затрепать	по-черному - отчаянно, безбожно, очень,	Перевод нефразеологического словосочетания фразеологизмом.

Mõisnike sabarakke tulebki riisuda!	С барских приспешников и надо три шкуры драть!	riisuma - грабить (в эстонских фразеологических словарях отсутствует)	драть три шкуры – кто, с кого жестоко обходиться, не щадить.	Перевод слова устойчивым словосочетанием.

Mina sõidan õige ristiinimesena kirikusse ja tema tuleb samal ajal minu juurde pöörama!	Я как истинный христианин еду в церковь, а они тем временем тут все вверх дном перевернули!	pöörama - переворотить (в эстонских фразеологических словарях отсутствует)	перевернуть вверх дном - приводить в состояние полного беспорядка, создавать хаос.	Перевод слова устойчивым словосочетанием.
Kiidetud olgu Jeesus Kristus,” kostis Rosalie, kes oli poolkurt ja vana ega	Слава Тебе, Иисусе Христе! — ответствовала Розалия, которая была стара, туга на ухо и	poolkurt - полуглухой	туг на ухо - Прост. Плохо	Перевод слова устойчивым словосочетанием.

teadnud sellepärast ilmaelust midagi.	поэтому ничего не знала о мирской жизни.		слышит, глуховат.	

Приложение 2.

Тематическая организация фразеологизмов на материале глав V-XXX.

Оригинальный фразеологизм в контексте	**Перевод фразеологизма в контексте**	**Исходный фразеологизм и его значение**	**Перевод фразеологизма и его значение**	**Комментарий к переводу**
Rahu Lembitu põrmule!	Мир праху его!	rahu tema põrmule - soov lahkunule, surnule temast rääkides, teda meenutades	Мир праху - Пожелание умершему: пусть мирно покоится.	Смерть, пожелания умершему
Ristiinimese kohus on teist ristiinimest viimsele teekonnale saata	Долг всякого крещеного человека — проводить другого крещеного человека в последний путь!	viimne teekond / viimne tee - matusetalitus	проводить в поседний путь - участвовать в похоронах.	Смерть, похороны
Koera Kaarel hakkas hirmust üle kere vappuma, teda haaras jube aimdus, et kui ta otsekohe viina ei saa, tuleb jõle halltõbi tagasi, kargab talle taas kraesse ja raputab nagu takutuusti, kuni on aeg Mulla-	Со страху Карела Собачника стала бить дрожь, его охватило жуткое предчувствие: если он немедленно не выпьет водки, страшная хворь вернется, снова вцепится в него и	Mulla-Madis - surma rahvapärane personifitseeriv nimetus	отправиться на тот свет - ирон. умирать.	Смерть, ее персонификация

Madise juurde kobida.	станет трепать, словно мочалку, пока не придет время отправиться на тот свет.			
Saadame lendva teele, see lööb talle augu plaksti otsaette, nii et ajud väljas, ning ongi surm käes.”	Нашлем на нее антонов огонь — и вся недолга.	lendva - ведьмина стрела	антонов огонь - Прост. гангрена.	Смерть, причина ее наступления
Vankris lebas surnud kubjas, kael kahekorra.	В телеге лежал мертвый кубьяс со свернутой шеей.	kaela kahekorra keerama - maha lööma, hävitama, lõppu peale tegema	свернуть шею - рубо-прост. Убить кого-либо. Обычно употребляется как угроза.	Смерть, убийство
Surnud on su kubjas, kael kahekorra nagu kanal.	Помер твой кубьяс, шею ему, как куренку какому, свернули.	kaela kahekorra keerama - maha lööma, hävitama, lõppu peale tegema	свернуть шею - грубо-прост. Убить кого-либо. Обычно употребляется как угроза.	Смерть, убийство.
Ehk näeme kunagi teises ilmas.	Может, на том свете свидимся.	teine ilm – teispoolsus, teispoolne maailm	на том свете - в загробной жизни	Смерть, наименование потустороннего мира
Rehepapp teadis, et varsti on kits tema ukse taga ja siis saab näha, kas tema kavalus vilja kandis või tuleb neil kõigil	Гуменщик знал, что вскоре коза явится и к его двери, и тут уж станет ясно, удастся ли его хитрость, или	teise ilma kolima - ära surema	отправиться на тот свет - ирон. умирать.	Смерть, наименование потустороннего мира

veel täna õhtul teise ilma kolida.	всем им еще нынче придется отправиться на тот свет.			
Nüüd olid paari päeva jooksul manalasse varisenud tema hea sõber ja noorepõlvesõbratar.	Теперь же за считанные дни ушли в мир иной его добрый друг и подруга молодости.	manalasse varisema - ära surema manala – surnute asupaik eesti rahvausundis	отойти в мир иной - умереть.	Смерть, наименование потустороннего мира
Mul lebab siin kirstus sõber, kellel sinu peremees kaela kahekorra keeras, aga sina patrad mulle mingist närusest puugist!	— У меня тут друг в гробу лежит, которому твой хозяин шею свернул, а ты мне про какого-то дрянного сосуна рассказываешь!	kaela kahekorra keerama - maha lööma, hävitama, lõppu peale tegema	свернуть шею - грубо-прост. Убить кого-либо. Обычно употребляется как угроза.	Смерть, убийство, угрозы
Selleks oled sa liiga palju mu häid sõpru teise ilma saatnud.	Слишком много моих добрых друзей отправил ты на тот свет.	teise ilma saatma - surmama, tapma	отправить на тот свет - Убивать, умерщвлять кого-либо.	Смерть, убийство
Alles üleeile keerasid Kupja-Hansul kaela kahekorra	Только позавчера свернул шею Хансу-кубьясу.	kaela kahekorra keerama - maha lööma, hävitama, lõppu peale tegema	свернуть шею - грубо-прост. Убить кого-либо. Обычно употребляется как угроза.	Смерть, убийство, угрозы
Ta kummardus lähemale, haaras kupjal kõrist ning keeras - naksti -	Он подался поближе, схватил кубьяса за горло	nina kukla taha keerama - kellelegi peksa andma, kedagi näkku lööma	свернуть шею - грубо-прост. Убить кого-либо. Обычно	Смерть, убийство

mehel nina kukla taha.	и — хрясть — свернул ему шею.		употребляется как угроза.	
Midagi pole parata, tuleb lasta tal täna möllata, homseks on ta kutu.”	Ничего не поделаешь, придется дать ему нынче побуянить, а завтра он будет тише воды.	on kutu - keegi on surnud, omadega läbi, küps	кто. Разг. Экспресс. приконченный Робкий, скромный, незаметный (человек).	Смерть, мертвый человек
Kaarli hambad plagisesid tulises tõvehoos ja ta suutis ainult küsida:	У Карела зуб на зуб не попадал, и он смог только вымолвить:	hambad plagisevad - külmast, hirmust värisema	зуб на зуб не попадал - от дрожи	Болезнь, ее проявление
Koera Kaarel ärkas hommikul ning tundis, et üle hulga aja ei värisegi ta keha palavikuhoogude käes ning hambad ei tao vastamisi, justkui plaksutaks laadal komejantide trikkide peale käsi.	Карел Собачник проснулся утром и понял, что его не бросает больше то в жар, то в холод, а зубы не выбивают дробь, как зазывалы в ярмарочном балагане.	hambad taovad vastamisi - зубы бьют друг друга	выбивать дробь зубами - стучать зубами (дрожа от холода, испуга и т. п.).	Болезнь, ее проявление
Hirmus palavikuhoog raputas vaest Kaarlit ja hambad suus tagusid teineteist nagu soldatid kadalipus.	Страшный приступ лихорадки сотряс Карела, зубы у него во рту застучали.	hambad suus tagusid teineteist nagu soldatid kadalipus - зубы во рту колотили друг друга как солдаты во время	зубы застучали	Болезнь, ее проявление

„Teeb jah, väristab ja raputab, et lagune või koost,”	Ох, трясет и колотит, прямо душа вон	väristab ja raputab, et lagune või koost - трясет и колотит, хоть на части развались	прямо душа вон – внезапная смерть	Болезнь, ее проявление
Juba mitu päeva ei olnud ta võimeline voodist tõusma, halltõbi piinas teda koledal kombel ja sundis värisema justkui hunnik sülti.	Уже который день не было у него сил подняться, лихоманка одолевала его нещадно, заставляла трястись студнем.	väriseb kui sült - värisema, võbelema nagu tallesaba värisema	как холодец -	Болезнь, ее проявление
Kunagi ei tohi ühelegi hüüdmisele vastata, sest niimoodi need tõved ju inimesi oma võrku püüavad	Разве можно отзываться на зов — именно так эти хвори да напасти и залучают человека в свои сети.	võrku püüdma - kedagi oma meelevalda, võimusesse haarama	залучают человека в свои сети - устроить ловушку (о тайном умысле, ухищрениях ко вреду другого)	Болезнь, ее олицетворение
Ega ta sind päev otsa piinata ei jõua, millalgi peab temagi puhkama, söömas ja sital käima ning uut jõudu koguma.	Она же умается целый день тебя мучить, захочется ей передохнуть, подкрепиться там, по нужде сходить, с силами собраться.	jõudu koguma - pisut puhkama ja jõudu koguma, väikest puhkeaega võtma	с силами собраться - накапливать в себе силы; отдыхая, восстанавливать в себе силы	Болезнь, ее олицетворение
Pane põhi peale!	Давай до дна!	põhi peale panema - anumat tühjaks jooma	до дна - целиком и полностью	Алкоголизм, мера поглощения алкоголя

Kaarel väänas nägu, röhkis vastikusest ja tühjendas pudeli.	Карел весь перекосился от отвращения, но выпил все до дна.	pudeli tühjendama - опустошать бутылку	до дна - целиком и полностью	Алкоголизм, мера поглощения алкоголя
Kes su tööd ära teeb, kui sa endal juba niisugusel tunnil tati viltu võtad?”	А кто твои работы переделает, если ты уже в такой час надерешься?	tati viltu võtma - end tugevasti purju jooma	надраться - напиться	Характеристика меры поглощения алкоголя
See on kõik tervise nimel!” seletas Kaarel, keda alla kulistatud kärakas tublisti rahustas.	Это все здоровья ради! — принялся объяснять Карел, которого пропущенная стопка порядком успокоила.	kärakat alla kulistama - выпить рюмку	пропустить стопочку - выпить небольшое количество крепкого аклкоголя	Характеристика меры поглощения алкоголя
Kui ta oli oma klahvi sisse keeranud, nuuskas ta hoolega nina ja sättis end istuma.	Пропустив свой стаканчик, он основательно высморкался и уселся поудобнее.	Klahvi sisse keerama - sööma, ära sööma, hinge alla panema	пропустить стаканчик - выпить небольшое количество крепкого аклкоголя	Характеристика меры поглощения алкоголя
„Oota, ma võtan ühe tou veel ja siis sõidan koju,” rääkis Kaarel.	Постой-ка, я пропущу еще одну и домой, — говорил Карел.	tou võtma - принять удар	пропустить по одной - выпить небольшое количество крепкого аклкоголя	Характеристика меры поглощения алкоголя
„Mis see sinu asi on, olen kus olen!”	Твое какое дело, где я? — рявкнул	hambaid kiristama - suure vaevaga vihapurset	скрипеть зубами - Разг. Экспрес. Испытывать	Зло и злоба, ее проявление

vastas kilter kurjalt ja krigistas hambaid.	кильтер и скрипнул зубами.	tagasi hoidma, end vaevu valitsema	злость, раздражение; выражать сильное недовольство.	
Ära kanna viha.	Не держи зла.	viha kandma - kaua vihane olema	держать зло про себя - затаив злобу, замышлять недоброе	Зло и злоба, ее проявление
Ta oli tige nagu nõeluss, sest aimdus ütles talle, et Imbi ja Ärni on tema aias toime pannud ilgeid nurjatusi, ning haudunud natuke aega kõige kurjemaid kättemaksumõtteid, asus ta mööda lumes selgesti näha olevat teerada vanainimesi jälitama.	Он был зол, как тысяча чертей, чутье подсказывало ему, что Имби с Эрни натворили в его саду что-то непотребное, некоторое время он вынашивал планы мести, а затем пустился догонять стариков, следы которых были ясно видны на снегу.	nagu uss - kuri, tige, õel, riiakas inimene	злой как чёрт - взбешённый, гневный	Зло и злоба, ее проявление
Sarviku saba ja kabjad! Kust need neetud Imbi ja Ärni küll sellised aarded välja nuuskisid!”	И как только эти проклятые Имби с Эрни напали на такое богатство? Чтоб им пусто было!	sarviku saba ja kabjad - чёртов хвост и копыта	чтоб тебе пусто было - Восклицание, выражающее гнев, раздражение, злобу, досаду в чей-л. адрес.	Выражение злобы

Ikka mõisas, kus mujal! Mõis on see neetud hädaorg!	На мызе! Чтоб ей пусто было! Будь она проклята!	hädaorg - maailm oma vaevade ja viletsusega	чтоб тебе пусто было - Восклицание, выражающее гнев, раздражение, злобу, досаду в чей-л. адрес.	Выражение злобы
Isegi hambad hakkasid libahundi suus lõdisema ja karv tõusis nii turri, nagu kasvaksid tal seljas okkad.	Даже зубы во рту волка-оборотня застучали, и шерсть встала дыбом, будто на спине у него щетина выросла.	hambaid lõgistama - end külmast, hirmust väristama	зубы застучали	Страх, его проявление
Ja siis lasi Timofei oma püksid täis, sest kiltri surnukeha juures askeldasid kolm tonti.	И тут Тимофей напустил в штаны, потому что вокруг тела покойного кильтера возились трое чертей.	püksid täis tegema - ehmunud, hirmu täis näost valge, silmad ja suud pärani, hirm nahas.	напустить в штаны - Прост. Шутл.-ирон. Сильно испугаться.	Страх, его проявление
Kõik jäid teda ehmunult jõllitama ja Timofei, kes teadis kõige paremini, missugune saks kiltri naha all peitub, lasi juba harjunud kombe kohaselt välgukiirusel püksid täis.	Все испуганно уставились на него, а Тимофей, которому доподлинно известно было, что за молодчик кроется в шкуре кильтера, тут же привычно напустил в штаны.	on püksid täis - keegi tunneb suurt hirmu, on tugevasti ehmunud	напустить в штаны - Прост. Шутл.-ирон. Сильно испугаться.	Страх, его проявление

Kui lumemees on neid kaua aega järjest rääkinud, tuleb mulle kananahk ihule ja minus tekib mingi jube igatsus, ma tahaksin kõike seda, millest lumemees kõneleb, oma silmaga näha, ma tahaksin olla seal, kus pillutakse sõrmuseid...”	Когда снеговик долго рассказывает их мне, у меня прямо мурашки по телу бегают, и во мне просыпается жуткая тоска, хочется собственными глазами увидеть все то, о чем рассказал снеговик, и быть там, где бросаются кольцами...	kananahk tuleb ihule - keegi kohkub, kellelgi hakkab hirm	мурашкки бегают по спине (по телу, по коже) - Разг. Экспрес. Ощущение озноба от внезапного сильного страха, волнения, возбуждения и т. п.	Страх, его проявление
Aidamehel läks ihu külmaks.	У амбарщика мороз по коже продрал.	ihu läks külmaks - тело замёрзло	мороз по коже дерёт - экспрес. От внезапного сильного страха, волнения, ощущается озноб.	Страх, его проявление
Muidu keeran sul nina kukla taha!	Не то башку тебе сверну!	nina kukla taha keerama - kellelegi peksa andma, kedagi näkku lööma	свернуть башку - кому. Грубо-прост. Убить кого-либо.	Угрозы
Tule, Jüri, lähme ja anname sellele kodukäijale kitli peale.”	Пошли, Юри, вздуем-ка этого выходца с того света.	kitli peale andma - peksa andma, peksma	взудть - побить	Угрозы

Te ei mõtle muule kui inimesele kõrri kargamisele.	Вы только о том и думаете, как бы вцепиться человеку в горло.	kõrisse (kõrri) {kinni} kargama - kätega või sõnadega kallale tungima või kargama	вцепиться в горло - Не отступая, упрямо потребовать что-либо у кого-либо.	Угрозы
„Ja pange tähele - see sulaseraisk veel saab mu käest!	И попомните, этот чертов батрак еще попляшет у меня!	kellegi käest (peksa) saama – это фразеологизм с пропущенным элементом – словом peksa	ты у меня попляшешь - я тебя накажу, сделаю твою жизнь непростой	Угрозы
Oh, sa täna õnne, et sa seal puu otsas oled, sinna ma ei viitsi sulle järele ronida, muidu sa alles näeksid vett ja vilet.	Да благодари небо, что ты на дереве сидишь и мне лень лезть за тобой, а не то ты узнал бы, где раки зимуют.	vett ja vilet nägema - karmi korda kogema, pidevalt sunnialune olema	узнать где раки зимуют - узнать настоящие лишения, трудности.	Угрозы
Lõbusas tujus Oskar oli tulnud pärast Vanapaganale järjekordse krutski mängimist koju ning näinud juba kaugelt oma hoovis müterdavat majasuurust kogu.	Довольный тем, как ему в очередной раз удалось ловко обвести Нечистого вокруг пальца, он направился домой и уже издалека увидел, что во дворе у него орудует какая-то громадина.	krutski mängima - провернуть проделку	обвести вокруг пальца - Разг. Экспрес. Хитро обманывать.	Обман

Meid tõmbas küll ka korra haneks, aga eks see elu niimoodi käibki - kord on üks kavalam, siis teine.	Нас он тоже однажды нагрел, так уж в жизни заведено — один раз один перехитрит, другой раз — другой.	haneks tõmbama - kedagi petma	нагреть - обмануть	Обман
Ta oli narritanud katku, vedanud surma ennast sageli ninapidi, petnud lugematuid kordi Vanapaganat ja kõiki teisi tigedikke.	Он обвел вокруг пальца чуму, саму смерть он нередко водил за нос, несчетное число раз обманывал Старого Нечистого и всякую прочую нечисть.	narritama - насмехаться, дразнить	обвести вокруг пальца - Разг. Экспрес. Хитро обманывать.	Обман
Arvate, et olete hirmus kavalad ja veate meid alati ninapidi, aga viimaks lähete juba liiga ahneks ja ükskord jääte ikka vahele.”	Думают, что хитрее всех на свете, обманывают нас почем зря, а когда жадность вконец одолевает вас, вы остаетесь в дураках.	ninapidi vedama - petma, tüssama	обманывать	Обман
Meel oli rõõmus ja Imbi ümises isegi vaikselt laulda, ehkki teadis, et metsas on igasuguse hääle tegemine	Имби даже мурлыкала себе что-то под нос, хотя и знала, что в лесу издавать какие бы то ни	pintslisse pistma - ära sööma või jooma	лопать - есть	Еда, ее поглощение (в данном случае – поглощение людей нечистью, дикими

ohtlik - kollid, külmkingad ja hundid võisid kohale ilmuda ning su pintslisse pista, rääkimata igasugustest tõbedest, kes ainult seda ootasidki, et inimene suu lahti teeks.	было звуки опасно: лешие, мерзлюки и волки могут напасть и слопать тебя в два счета, не говоря уж о всяких хворях, которые только того и дожидаются, чтобы человек открыл рот.			животными и хворями)
Täikraed sellised. Noh, selle eest siis vähemalt ajame nende toitu näost sisse - et neil vaesus majja tuleks, põrsakari!	Ну, так хотя бы наедимся ихней жратвы, чтоб им пусто было!	näost sisse ajama - sööma, ära sööma	наесться	Еда и её поглощение
		et neil vaesus majja tuleks - чтоб их дом обеднел	чтоб тебе пусто было - Восклицание, выражающее гнев, раздражение, злобу, досаду в чей-л. адрес.	Здесь в оригинале нет фразеологизма, а в переводе фразеологизм появляется.
Kui sellise kätte saaks, siis ta täna tööd ei teekski, võtaks leiva kaissu, poeks kuhugi urkasse ja ajaks aga näost sisse, kuni kõht nii punnis, et naba turri tõuseb.	Заполучить бы такую, так он сегодня и работать бы не стал, взял бы ковригу под мышку, забрался в какой-нибудь укромный уголок и наелся бы от пуза, так что пуп торчком.	näost sisse ajama - sööma	от пуза - Обл. Экспрес. Досыта	Еда и ее поглощение

Kurat teab, kuhu need kaks lolli lähevad, mõtles ta.	И куда этих дураков несет? — думал он.	kurat teab mida - keegi ei tea, kes seda teab, pole teada	---	Незнание
Mak-samerele nõiaks või mõnda veel hullemasse paika.	К черту на кулички или еще куда подальше?	Maksamerele nõiaks - к ведьме на Максамере	к чёрту на куличики - Очень далеко, в глухие места	Незнание
Kui juba hämarduma hakkas ning aidamehest polnud ikkagi veel kippu ega kõppu, ajas Mall kasuka selga, pani mütsi pähe ja sumpas metsa.	Когда стало уже смеркаться, а от амбарщика все еще не было ни слуху ни духу, Малл натянула тулуп, нахлобучила шапку и отправилась в лес.	{ei, mitte} kippu ega kõppu - mitte midagi, mitte vähimatki teada, kuulda, mitte mingit teadet, elumärki	ни слуху ни духу - Разг. Экспрес. Никаких вестей, известий, сведений	Незнание
Kurat teab, mis asi see on,” pomises ta.	Черт его знает, что это, — пробормотал он.	kurat teab mida - keegi ei tea, kes seda teab, pole teada	чёрт знает - Абсолютно ничего не известно о ком-л., о чём-л.	Незнание
Püha jumal, nüüd tapab hobuse ära!	Господи помилуй, еще лошадь зарежет!	püha jumal - jahmatust, kohkumist, imestust vms väljendav hüüatus	господи помилуй - разг. помилуй(те).	Обращения к Богу
Eks rippugu temagi Jumala kaitse all!	Ну что ж, пусть висит себе, да хранит его Бог!	jumala kaitse all - под защитой господа	храни тебя бог - форма пожелания благополучия кому-либо	Обращения к Богу

Ja ongi, Issand halasta!	Господи, помилуй!	Issand halasta - ehmatust, kohkumist, pahameelt väljendav hüüatus	господи помилуй - разг. помилуй(те).	Обращения к Богу
Jumal, jumal, kus neid siis ainult kaks oli!	Господи Боже мой! Как же это, что только два?	mu jumal - üllatust, ehmatust, kohkumist, muret väljendav hüüatus	Господи Боже мой - Разг. Экспрес. выражение раздражения, досады	Обращения к Богу
Mul on laps rinna all, mida ma pean tegema, kui sinuga midagi juhtub!	Я ребенка жду, если с тобой что случится, как мне тогда быть?	rinna all kandma - rase olema	ждать ребёнка	Беременность
Kuid nutt kippus Mallele küll peale, ja eriti hale oli tal sellest titekesest, keda ta alles oma rinna all kandis.	Но слезы подступали к горлу, особенно жалко ей было ту деточку, что она носила под сердцем.	rinna all kandma - rase olema	носить под сердцем - быть беременной	Беременность
Mul on rinna all laps kasvamas, kuidas ta sünnib ilma isata!”	Я ношу под сердцем ребеночка, как же он будет без отца!	rinna all kandma - rase olema	носить под сердцем - быть беременной	Беременность
„Kõrva tagant,” vastas rehepapp.	Ветром надуло, — отвечал гуменщик	Kõrva tagant - из за уха	ветром надуло - Прост. Ирон. О женщине, забеременевшей без мужа или родившей внебрачного ребёнка.	Беременность

Pane suu kinni ja topi piip mulguks ette, vanamees!	Закрой рот и заткни его трубкой, старина!	on suu kinni - keegi vaikib, hoiab midagi ainult enda teada	закрой рот - замолчи.	Ругательства
Lõuad kinni!	Заткнись!	lõugu {kinni} pidama kõnek - vaikima, midagi enda teada hoidma, vait olema	Заткнись - замолчи	Ругательства
Pea suu, kratt!	Не трави душу, домовик!	suud {kinni} pidama - vaikima, midagi enda teada hoidma, vait olema	травить душу - Прост. Экспрес. Преднамеренно или нечаянно делать больно кому-либо, касаясь в разговоре того, что неприятно собеседнику; расстраивать, причинять душевную боль.	Ругательства
Seisab nagu odratolgus ja teeb lolli nägu.	Стоит дубиной стоеросовой и рожи корчит.	odratolgus - rumal inimene / alkohoolik	дубина стоеросовая - Грубо-прост. Бран. Глупый, тупой человек.	Ругательства
No mida see odratolgus siit otsib?	И что этому остолопу здесь понадобилось?	odratolgus - rumal inimene / alkohoolik	остолоп - Глупец, болван.	Ругательсвта
Kaarel jooksis ummisjalu tagasi maja juurde, rakendas hobuse	На негнущихся ногах бросился Карел к дому запрягать	maapõhja kiruma - kedagi või midagi väga ägedalt kiruma või maha tegema	на чём свет стоит - очень сильно, вовсю, не	Ругательсвта

vankri ette, ise ärevusest peaaegu nuttes ning lakkamatult Jaani maapõhja kirudes, sai looma viimaks aiste vahele ja andis piitsa. Kiiruga, nagu oleks tal katk kannul, kihutas ta kõrtsi poole, ise nõõtades ja kannatamatusest karjudes.	лошадь; чуть не плача и на чем свет стоит проклиная Яна, он сумел наконец запрячь ее, взмахнул кнутом и во весь опор, будто чума за ним гонится, понесся в сторону корчмы, понукая лошадь и крича от нетерпения.		стесняясь в выражениях	
Jumal küll, teeks see rehepapp su ometi terveks, muidu orja siin kümne eest!	Господи, только бы помог гуменщик, а то горбаться здесь за десятерых!	kümne eest - за десятерых	работать за десятерых — Работать (есть) за десятеры/х Очень много; так, как могут только десять человек.	Труд, степени его интенсивности
Sinu sita tööst pole niigi palju tulu kui kerisele visatud kärbsesüljest leili!	Да толку-то от твоих трудов кот наплакал.	tulu kui kerisele visatud kärbsesüljest leili - толку как пара если на каменку мушиной слюны плеснуть	кот наплакал - Очень мало кого-либо или чего-либо.	Это характеристика труда, если учитывать контекст предложения

Aga ei, kellelgi polnud aega teda vahtida, kõik töötasid elu eest ja otsisid katku.	Но нет, людям было недосуг следить за ним, все трудились изо всех сил, искали чуму.	elu eest - kõigest jõust, kogu jõudu rakendades, kõigest väest	изо всех сил - с предельным напряжением	Труд, степени его интенсивности
Võta jalad kõhu alt välja!	Руки в ноги — и давай!	jalad kõhu alt välja - kiiremale kõnnile või jooksule sundiv hüüatus	брать ноги в руки - Прост. Экспрес. Не мешкая, без промедления, быстро идти куда-либо.	Движение, степени его интенсивности
Mõlemad pastlad jälle jalas, kiirustas ta tagasi võssa ning pistis punuma, et Imbist ja Ärnist metsa vahel ette jõuda.	Надев второй постол, он поспешил обратно в заросли и бросился обгонять Имби с Эрни.	punuma pistma - ära jooksma, põgenema	броситься обгонять	Движение, степени его интенсивности
Moosel kukkus karjuma, kukkus kantsli alla kõhuli maha, aga mina panin ajama ning jooksin otse siia.	Мозель закричал, упал наземь возле кафедры, а я — ноги в руки и сюда.	ajama panema - kiiresti ära minema, põgenema	брать ноги в руки - Прост. Экспрес. Не мешкая, без промедления, быстро идти куда-либо.	Движение, степени его интенсивности
Las ma leban sutike, lasen mõneks hetkekski veel silma looja!”	Дозволь еще маленько полежать, хоть чуток глаза смежить!	silma looja laskma - lühikeseks ajaks uinuma, kerget uinakut tegema, tukastama	смежить очи - погрузиться в сон, заснуть.	Сон

Rehepapp pani pihlakaoksa jälle vöö vahele ning hakkas tuppa tagasi minema, sest ilm oli vilu ning pealegi polnud ta öösel suurt sõba silmale saanud.	Гуменщик сунул рябиновую дубинку обратно за пояс и вернулся в избу, потому как было холодно, к тому же он ночью почти не сомкнул глаз.	sõba silmale (silmadele, silma peale) saama - magama jääma, uinuma, pisut magama	не сомкнуть глаза - не засыпать даже на самое короткое время	Сон
Kubjas magas peaaegu terve ööpäeva, mis polnud ka ime - vaene mees oli istunud sõba silmile saamata juba terve nädala, palvetades öösiti mõisa akende all ning kuulates päeval lumemehe muinaslugusid.	Кубьяс проспал почти целые сутки, что и неудивительно — он же целую неделю не смыкал глаз, по ночам молился под окнами барского дома, а днем слушал удивительные рассказы снеговика.	sõba silmale (silmadele, silma peale) saama - magama jääma, uinuma, pisut magama	не сомкнуить глаза - не засыпать даже на самое короткое время	Сон и бессонница
Näed, tõmbasin huntidel soku nina eest ära nagu niuhti!	Вот видишь, из-под носа у волков уволок я косулю!	nina alt; nina eest - vahetust lähedusest, näo eest	под носом - Совсем рядом	Характеристика процесса кражи
Sõjaväljal, siis kui ma lahingu ajal koolnute taskuid tühjendasin.	На поле боя, когда во время сражения чистил карманы убитых.	taskuid tühjenda - опустошать карман	чистить карманы - воровать, промышлять воровством.	Воровство

Ta oli kindel, et saab ilmagi hakkama.	Он был уверен, что все удастся и так.	hakkama saama - midagi tegema, korda saatma	удаваться	Воровство
Saak oli läinud, kadunud nagu tina tuhka.	Добыча исчезла бесследно.	nagu (kui) tina tuhka kaduma - äkki jäljetult kaduma	исчезнуть бесследно	Кража (амбарщик обкрадывает волков)
Tema mõtles sel hetkel ainult oma otsusest ja tal oli nutt kurgus, kui ta kujutas ennast ette söestununa nagu kartul jaanitules.	В ту минуту он думал только о своем решении, и ком встал у него в горле, когда он представил себя обуглившимся, как картофельный клубень в костре на Иванову ночь.	on nutt kurgus - keegi on nutma puhkemas	ком в горле - о том, кто испытывает спазматическое, болезненное сжатие в горле из-за сильных эмоций	Страдание, душевная боль
Siis vähkres kubjas oma sängis ja kurku tõusvad meeleheitepisarad tegid hingamise raskeks.	Тогда кубьяс ворочался в своей постели с боку на бок, и слезы отчаяния комом вставали у него в горле, не давая дышать.	tõusevad pisarad kurku - keegi on nutma puhkemas	ком в горле - о том, кто испытывает спазматическое, болезненное сжатие в горле из-за сильных эмоций	Страдание, отчаяние
Ent rüütel jäi ustavaks oma vandele ja ratsutas minema koos oma senjööriga, olgugi et tema süda tilkus verd.”	Но он остался верен клятве и ускакал вместе со своим сеньором, хотя сердце его и обливалось кровью.	süda tilgub verd - kellelgi on kellestki või millestki väga kahju, keegi elab midagi raskelt üle	сердце кровью обливается - Кто-л. испытывает невыносимую душевную боль, страдает, тоскует.	Страдание

Hiilite pimedas ringi ja varastate teineteise tagant, aga oma saagiga ei oska muud peale hakata, kui kaevate maasse või õgite keresse või lakute kõrtsis maha!	Бродите впотьмах да воруете друг у дружки и со своей добычей ничего умнее не можете сделать, как зарыть ее в землю, сожрать или пропить в кабаке!	peale hakkama - tegema, ümber käima, kohtlema	делать	Деятельность, ее виды и формы
Siis puhkes ta nutma, nuttis kaua ning südamest, sest tal oli nii hale oma heast mehest Lembitust, kellest nüüd oli saanud kole koll.	И тогда она разрыдалась, рыдала она долго и от души — так жалко ей было своего доброго мужа Лембита, который превратился теперь в отвратительную нежить.	südamest - siiralt, sügavalt, väga	от души - Экспрес. Искренне.	Положительные эмоции, их проявление
Ta oli kõrtsis meestelt kuulnud, et naistel on kangesti hell süda ning vigast ja hädist olendit enda ees nähes see neil otse sulab rinnus.	В кабаке он слыхал от мужиков, будто бабье сердце сильно жалостливое и при виде всякого несчастного и покалеченного бабы просто тают.	süda sulab - keegi hakkab järele andma, muutub kaastundlikuks, heldib	бабы тают	Положительные эмоции: жалость

„Arm annab tiivad!”	— Любовь окрыляет!	tiibu andma - tiibu andma innustama, tiivustama	окрыляет	Любовь и ее воздействие на человека
See on siis tõesti üks kurb lugu, sest vaene tobe Hans on kõrvuni armunud mõisapreilisse	И впрямь печальная история, потому что бедняга Ханс по уши втрескался в дочку барона.	kõrvuni armunud {olema} - kirglikult armunud {olema}	по уши - весь, целиком; снизу доверху.	Любовь и влюбленность
Kuulad igasugu lara võõramaa tobedustest ja lähed otsekui sipelgaid täis.	Наслушался всякой чепухи про заморские чудачества и места себе не находишь.	on sipelgad püksis - keegi on väga püsimatu, rahutu	места себе не находить - беспокоиться, волноваться, не знать что начать	Волнение, беспокойство
See näis olevat rahutu ja kuidagi hirmul, istus saanis nagu sütel ja paistis tahtvat sõidukist välja karata.	Она, казалось, была чем-то обеспокоена и чего-то боялась, сидела в санях, как на раскаленных угольях, и вроде намеревалась соскочить с них.	nagu (kui) tulistel sütel {istuma, olema, ...} rahutu, ärevuses, kannatamatu {olema}	как на углях - в состоянии крайнего волнения, беспокойства или тревоги	Волнение, беспокойство
Kuid ta ei näidanud ennast Hansule, vaid üksnes värises põõsastes, õgides meest kollaste läikivate hundisilmadega.	Но она не показалась Хансу, только дрожала в кустах, пожирая его блестящими желтыми	silmadega õgima - ahnelt vaatama, jälgima	пожирать глазами - кого. Экспрес. Неотрывно и пристально смотреть на кого-либо.	Зрение

	волчьими глазами.			
Nüüd on ta pime nagu mutt, koperdab käsikaudu.	Теперь он все равно что слепой крот, на ощупь передвигается.	pime nagu mutt - ilma nägemiseta, pime	слеп как крот - об осторожном, ощупью идущем; недальновидном	Зрение, его дефекты
Jaan katsus küll kangesti Luise külje alla ujuda, aga aeti alati ära.	И как ни старался он подъехать к ней, всегда встречал от ворот поворот.	külje alla pugema - kellegagi mingil omakasupüüdlikul eesmärgil sõprust otsima, kellegi ümber mehkeldamas	подъехать	Подхалимство
Mine mõisa ja laku seal oma isanda perset, aga minu ausas eesti talus pole sul midagi teha!”	Катись в поместье и лижи там барскую задницу, а в моем честном эстонском хозяйстве делать тебе нечего!	perset lakkuma - pugema, lipitsema külje alla pugema	лизать задницу - кому. Грубо-прост. Угодничая, пресмыкаться, унижаться перед кем-либо	Подхалимство
Sorgu Mai kiunus ning prääksus vahetpidamata, aga aidameest see ei seganud ning ta ei pannudki viimaks metsast kostvat tramburaid tähele, vaid lasi kõrvust mööda justkui linnulaulu.	Май Лахудра голосила, пищала и крякала беспрестанно, но амбарщику это не мешало, в конце концов он вообще перестал замечать доносившиеся из лесу звуки, просто пропускал их мимо ушей,	kõrvust mööda laskma - kuulmata jätma, öeldut eirama, kuuldule mitte reageerima	пропускать мимо ушей - Разг. Ирон. Совершенно не реагировать на то, что говорится, на то, что сказано.	Избирательное восприятие звуков

	словно птичий щебет.			
Isegi varesed ja teised talvituvad linnud ei teinud häält ning tondidki metsas hoidsid keele hammaste taga.	Даже галки и прочие зимующие птицы не подавали голоса, лешие в лесу и те держали язык за зубами.	keelt hammaste taga hoidma - targu vaikima, ülearust lobisemist vältima	держать язык за зубами - Соблюдая осторожность, опасаясь нежелательных последствий, молчать, не говорить лишнего.	Поведение, его правила, их нарушение
Ta oli lootnud, et kubjas käitub nagu täismees, astub tüdruku juurde, paneb talle käe ümber piha, võtab musu ja siis on Liinal võimalus poiss ümber oma sõrme keerata, ning kui Hans viimaks aru saab, et see polnudki mõisapreili, on juba hilja.	Он надеялся, что кубьяс поведет себя как настоящий мужик, подойдет к девушке, обнимет ее, поцелует, и тогда у Лийны появится возможность обвести парня вокруг пальца, а когда Ханс наконец поймет, что это вовсе не барышня, будет уже поздно.	ümber sõrme keerama - kedagi oma tahte alla painutama, oma tahte, meelevalla alla saama, kellegi üle täielikult valitsema hakkama	обвести вокруг пальца - Разг. Экспрес. Хитро обманывать.	Подчинение себе другого человека – в эстонском варианте
Kas sa arvad, et ma lasen sul endale pähe istuda?	Ты что, думаешь, я дам себе на голову сесть?	pähe istuma - kedagi ahistama, enda huvides ära kasutama hakkama	садиться на голову - Разг. Экспрес. То же, что садиться верхом на кого	Подчинение себе другого человека

Et tal läbi seina lendamise määret polnud, pidi ta pudrumägede ja piimajõgedeni jõudma tavalisel röövli ja murdvarga moel.	Поскольку мази, чтоб проникать сквозь стены, у него не было, до молочных рек и кисельных берегов он мог добраться только обычным воровским путем.	piimajõed ja pudrumäed - rikkus, küllus, heaolu	молочные реки и кисельные берега - сказочно привольная, полностью обеспеченная жизнь.	Богатство
Nad oleksid võinud hoopis kuninga kinni siduda, röövlitele kalli raha eest maha müüa ja siis lõbusasti minema sõita ning terve elu või sees elada!	Да они могли бы связать короля, за хорошую плату уступить его разбойникам и всю жизнь кататься как сыр в масле!	või sees elada - жить в масле	как сыр в масле - Прост. Экспрес. В довольстве, в полном достатке и удовольствии (жить)	Богатство, довольство
Ainult üle minu laiba!”	Только через мой труп!	Ainult üle minu laiba! - только через мой труп	только через мой труп - Разг. Экспрес. Выражение категорического протеста со стороны кого-либо против чьего-либо предполагаемого действия, поступка.	Протест
Mitte ilmaski!	Да ни в жизнь!	{mitte} ilmaski - mitte iialgi, eluilmaski, mitte kunagi; mitte mingil juhul	ни в жизнь - Прост. Экспрес. Никогда, ни при каких условиях	Протест

			или обстоятельствах.	
Ju on vaesus ja viletsus ta sellise patuni viinud!”	Небось, нищета да невзгоды довели его до такого греха!	patuni viima - довести до греха	довести до греха - чрезмерно рассердить, разозлить кого-либо. Здесь другое значение: довести до отчаяния, до нежелания жить и покончить жизнь самоубийством	Грех, греховность, формы их проявления
Kuid ta ei hüpanud kuhugi, oli ainult pingul nagu pulk ja tundis, kuidas minutid kasutult mööduvad ja külm higinire mööda selga kannikate vahele voolab nagu kahe künkakese varju kaduv mägijõgi.	Но он так никуда и не бросился, только напрягся весь и почувствовал, как тщетно проходят минуты и струйка холодного пота стекает вниз по хребту к ягодицам, словно горная речушка, исчезающая меж двух холмов.	nagu (kui) pulk - kange, jäik, paindumatu	напрягся весь	Физиологические ощущения
Kubjas Hansu süda oli samuti kerge.	На душе у Ханса тоже стало легко.	süda on kerge - keegi on vabanenud murest	отлегло на душе - у кого. Разг. Кто-либо испытывает чувство облегчения, успокоения.	Внутренние ощущения

Sina olid rehepapp, mina jällegi kolisin metsa servale ja hakkasin nõiaks, sest mis minusugune sabaga tüdruk ikka tegema pidi, minul polnud lootust tanu alla saada.	Ты стал гуменщиком, а я поселилась на опушке леса и стала знахаркой, что мне, хвостатой девке, еще оставалось? Пойти под венец у меня надежды не было.	tanu alla saama abielluma, mehele minema, mehele saama	идти под венец - Вступать в законный брак.	Венчание, замужество
Muidu ta reo läheb mõisa kaebama, ja siis pole muud kui pingile pikali või koguni nöör kaela!	Иначе он, собака, пойдет барину нажалуется, и тогда растянут на скамье, а то, глядишь, и веревку на шею накинут.	nööri kaela panema - üles pooma	накинуть верёвку на шею - повесить	Казнь
Seal seisis pirakas tont, nühkis oma selga vastu kaske ja irvitas pikkade hammastega.	Там стоял здоровенный бес, терся спиной о березу и скалил длинные зубы.	hambaid irvitama; hambaid irvima kahjurõõmsalt, pilkavalt, halvustavalt naerma, irvitama	скалить зубы - Огрызаться, сердиться, выражая в резкой или грубой форме своё негодование, возмущение.	Смех, насмешка
Jäänud koju, teinud tööd, oleksid praegu terve kui purikas!	Сидел бы дома, работал, был бы сейчас здоров, как боров!	terve kui purikas - terve, hea tervise juures, tugeva tervisega terve kui purikas, nagu härg	здоров как боров - в добром здравии, в силе, в соку, в хорошей форме	Здоровье
Ta oli ju lahja nagu kusejuga, sellisele kaabi varbaga mulda	Он же был еле-еле душа в теле, такого чуть	lahja nagu kusejuga - худой как струя мочи	Еле-еле душа в теле - Прост. Экспрес. Едва,	Тело, его особенности

peale ja ongi maetud.	землей присыпь — и похоронен.		чуть жив; очень слаб от болезни, усталости и т. п.	
Korraga ajas ta kõrvad kikki ja justkui kuulatas midagi.	Он вдруг навострил уши, словно прислушиваясь к чему-то.	kõrvu kikki ajama - tähelepanelikult või pingsalt kuulama jääma, tähelepanelikuks muutuma	навострить уши - Разг. Экспрес. То же, что Навострить слух.	Слух, степени его проявления
Nimelt vana Räägu Rein. Tema on üks igavene juurikas.	Я имею в виду Рейна Коростеля. Он крепкий орешек.	nagu juurikas - kangekaelne, järeleandmatu, jonnakas olema kange kaelaga olema	крепкий орешек - О человеке, отличающемся твёрдым или скрытным характером и не поддающемся влиянию других.	Характер
Lihtrahva ahnus ja alatus on läinud ikka üle igasuguse piiri!	Жадность и подлость простонародья просто никаких границ уже не знают!	üle piiri minema - liiale minema, liialdama, mõõdu- või sündsustunnet minetama	не знать границы - не знать меры, предела	Жадность
Aga lõpuks, kui te olete juba noh nii lähemalt koos olnud, siis võid sa ennast tunda anda, ja küllap siis Hans-poiss saab aru, et varblane peos on etem kui tuvi katusel.	А потом, когда вы уже, ну, станете друг другу поближе, тогда Ханс, небось, поймет, что синица в руках лучше журавля в небе.	varblane peos on etem kui tuvi katusel - воробей в руке лучше чем голубь на крыше	синица в руках лучше журавля в небе - неидеальный объект, возможность и т. п., которыми человек уже обладает или которые ему доступны,	Выгода и мечты

			предпочтительнее лучшего объекта, возможности и т. п., которые он, возможно, никогда не сможет получить:	
Nemad on saksad, nende elu mulle korda ei lähe!	Они баре, мне до их жизни дела нет!	korda minema - kellesegi puutuma	нет дела - Разг. Не имеет никакого отношения к кому-либо или к чему-либо, не касается кого-либо.	Отношение к барам
Kratile tuleb öelda, et too vaikselt siia, nii et üles ei ärkaks, ja küll see elukas siis ise teab, mis nipiga ta tüdrukul suu lukku saab.	Надо домовику приказать, чтоб притащил втихаря, а он уж сам знает, как заставить девку молчать.	suu jääb lukku - keegi jääb vait, ei ütle sõnagi	заставить молчать -	Молчание
Ja siis, täiesti ootamatult, kilter peeretas.	И тут, совершенно неожиданно, кильтер пустил ветры:	peeretama - пукать, пердеть	Пускать/пустить ветры — Прост. Шутл. Испускать воздух из заднего прохода, портить воздух.	Тело Здесь в оригинале нет фразеологизма, а в переводе фразеологизм появляется
Küla oli nagu peo peal, halli taeva alla laiali laotatud.	Деревня лежала как на ладони, раскинувшись под серым пологом неба.	nagu peo peal - väga selgesti, väga hästi nähtav	как на ладони - очень ясно, отчетливо	Элемент пейзажа, вид на деревню сверху

Mis heast südamest on toodud, see tuleb ka rõõmsasti vastu võtta.	Что от чистого сердца подарено, то следует принимать с благодарностью.	puhtast südamest; puhta südamega - ausalt, siiralt, ehtsalt, ilma riugaste ja kavaluseta	от чистого сердца - откровенно, искренне	Характеристика хорошего поступка
Sedasi kõnniti vähemalt tund aega ja aidamehele hakkas pakane liiga tegema.	Так шли они примерно с час, и мороз стал донимать амбарщика.	liiga tegema - [kellelegi] kedagi kimbutama, kiusama, kellelegi paha tegema	донимать - доставать, мешать	Недоброжелательность природы к человеку
Pane ka kohe üks nui näkku	Давай тоже сразу же запали!	näkku panema - sigaretti, paberossi vms suhu panema, et suitsetama hakata	запали	Курение
Esiteks kibeles ta kangesti Vanapaganaga kohtuma, et oma koledale loomale võimalikult kiiresti eluvaim sisse saada, ja teiseks teadis ta, et rehepapp ei kiidaks tema plaani sugugi heaks ning võib-olla üldse ei annakski talle sõstraid.	Во-первых, ему не терпелось встретиться со Старым Нечистым и как можно скорее вдохнуть жизнь в свое чудище, а во-вторых, он знал, что гуменщик едва ли одобрит его план и вообще может отказаться снабдить его смородиной.	elu sisse saama - midagi käima, liikuma saama, tegutsemisvõimeliseks muutuma, tegutsema hakkama.	вдохнуть жизнь - в кого. Экспрес. Оживить, одухотворить кого-либо.	Жизнь
Marmorvalge jume, otsekui sametist õmmeldud huuled,	Беломраморная кожа, бархатные губки, глаза как	mõistust kaotama - arutuks, meeletuks, pööraseks minema	терять рассудок - Становиться сумасшедшим.	Безумие

silmad, mis on sügavad nagu kaks tumeda veega allikat - nõiutud veega, millest juues kaotad sa mõistuse!	два бездонных родника с заколдованной водой, такой напьешься — и рассудок потеряешь!			
Tuli on tarvis hoonetest eemale keerata, muidu on sul kohe punane kukk elumaja räästas!	Надо отвести огонь от построек, иначе красный петух и на избу вскочит!	punane kukk - tulekahi	красный петух - Разг. Экспрес. Поджог, пожар.	Пожар
Mul on omad nipid, kuidas neist jagu saada.	У меня свои уловки есть, как их одолеть.	jagu saama - kellestki või millestki võitu saama, millestki üle saama	одолеть	Борьба с нечистью
Mul on endal pea otsas ja töötab veel kah!	У меня у самого голова на плечах, и пока она еще в порядке!	on pea otsas - keegi on taiplik, nutikas, kiire arusaamisega, kellelgi on taipu, arusaamist	голова на плечах - Разг. Экспрес. Кто-либо умён.	Находчивость
Kusi lõi pähe või?	Моча, что ли, в голову ударила?	kusi lõi pähe - моча ударила в голову	моча ударила в голову - о глупом, недалеком человеке.	Глупость
Mine mõisa ja laku seal oma haavu, aga siia ära enam tule!	Убирайся в поместье и там зализывай свои раны, чтоб духу твоего здесь больше не было!	haavu lakkuma - end raskest elamusest, kahjustusest toibutama	зализывать раны - ликвидировать причинённый кем-либо ущерб, восстанавливать свои силы после постигших неприятностей	Восстановление здоровья

Ära vahi siin midagi Timofeid nagu näljane hunt!	Нечего тут на Тимофея голодным волком смотреть!	näljane nagu (kui) hunt - väga näljane	голодный как волк - очень голодный	Голод
Varem või hiljem sa väsid, puhkad hetkeks, tõmbad hinge tagasi, ja siis olen ma sul kallal.	Рано или поздно ты устанешь, остановишься перевести дух, тут-то я за тебя возьмусь.	hinge {tagasi} tõmbama - pisut puhkama ja jõudu koguma, väikest puhkeaega võtma	перевести дух - Разг. Глубоко дышать, делать глубокий вздох после напряжения физических сил или переживаний, чтобы почувствовать облегчение, отдохнуть.	Передышка

Fraseologismide tõlge Andrus Kivirähi romaani „Rehepapp ehk November“ venekeelses versioonis.

Kokkuvõte

Käesolevas töös analüüsitakse Andrus Kivirähi romaani „Rehepapp ehk November“ venekeelse tõlke fraseoloogiliste üksuste edasiandmise strateegiaid. Töö põhineb T. Verhoustinskaja tõlkel „Ноябрь, или Гуменщик“(2008). Uurimuse eesmärk on hinnata tõlke vastavust algtekstile semantilises, stiililises ja kultuurilises plaanis ning pakkuda võimalikke alternatiivseid tõlkelahendusi juhtudel, kui algne tõlge ei tundu olevat piisavalt täpne või väljendusrikas.

Töö sissejuhatuses käsitletakse fraseologismide olemust ja nende tõlkimise teoreetilist tausta. Samuti antakse ülevaade romaani retseptsioonist eesti kirjanduskriitikas, kus iseloomustatakse teose kontseptsiooni ning põgusalt ka stiili ja keelekasutust.

Esimeses peatükis analüüsitakse erinevaid tõlkeviise, mida T. Verhoustinskaja kasutab fraseologismide edasiandmisel. Tuvastatakse selliseid tõlkeviise nagu täielikud ja suhtelised ekvivalendid, fraseoloogilised analoogid, leksikaalne ja kirjeldav tõlge, samuti kompensatsioon. Peatükk sisaldab rohkesti tekstinäiteid ja tõlgendusi, mis võimaldavad hinnata tõlkija valikute mõju originaali stiili ja rütmi säilitamisel.

Teises peatükis klassifitseeritakse fraseologisme temaatilisel põhimõttel (pettus ja kavalus, hirm ja haigused, vägivald, alkoholism, toit, liikumine, surm) ning analüüsitakse nende semantilist funktsiooni romaani maailma kujundamisel. Selline lähenemine võimaldab hinnata, kuidas väljenduvad tegelaste maailmavaade ja rahvapärane mõttelaad keele kaudu ning kuivõrd edukalt on need elemendid edasi antud tõlkes.

Kokkuvõttes järeldatakse, et kuigi T. Verhoustinskaja kasutab mitmeid erinevaid tõlkestrateegiaid, kaldub ta eelistama neutraalseid fraseoloogilisi analooge isegi siis, kui tõlkekeeles on olemas täpne ekvivalent. See toob sageli kaasa originaali rütmi, värvingu ja folkloorse õhustiku kadumise. Lisaks tuvastatakse korduvaid semantilisi nihkeid ja oluliste väljenduslike detailide kadumise juhtumeid, mis nõrgendavad tõlketeksti emotsionaalset mõju lugejale. Töös rõhutatakse fraseologismide tõlkimise keerukust ning vajadust kombineerida loovust ja täpsust, et säilitada lähteteksti kultuurispetsiifiline ja stiililine eripära.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Egor Grachev,

(autori nimi)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose

«Перевод фразеологизмов в русской версии романа Андруса Кивиряхка “Rehepapp ehk November”/Ноябрь, или Гуменщик» / „Fraseologismide tõlge Andrus Kivirähi romaani „Rehepapp ehk November“ venekeelses versioonis“,

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on Lea Pild

(juhendaja nimi)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commonsi litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Egor Grachev

29.05.2025

Autorsuse kinnitus

Kinnitan, et olen koostanud käesoleva bakalaureusetöö ise ning toonud korrektselt välja teiste autorite panuse. Töö on koostatud lähtudes Tartu Ülikooli maailma keelte ja kultuuride kolledži slavistika osakonna bakalaureusetöö nõuetest ning on kooskõlas heade akadeemiliste tavadega.

[Autori allkiri]

Egor Grachev

Tartus, 29.05.2025